

международный драматургический конкурс

IV

I

**ВОСЕМЬ
ЛУЧШИХ
ПЬЕС**

**ЛИТОДРАМА
2019**

Сборник
Наталья Анатольевна Якушина
Восемь лучших пьес
«ЛитоДрамы-2019
Серия «Non-fiction (ИП Березина)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51854732

*Восемь лучших пьес «ЛитоДрамы-2019»: Интернациональный Союз писателей; М.; 2020
ISBN 978-5-907306-70-7*

Аннотация

Сборник пьес, которые победили в Международном драматургическом конкурсе «ЛитоДрама» в 2019 году. Конкурс проводится каждый год и выявляет талантливых авторов. Учредитель конкурса – Союз российских писателей. В сборнике представлены лауреаты восьми номинаций конкурса. Связаться с авторами по поводу постановок пьес можно, написав на e-mail конкурса: litodrama@mail.ru.

Содержание

Предисловие	5
Александр Домовец	7
Восьмидесятник	9
Акт первый	9
Акт второй	48
Мария Апраксина	84
Сундук	85
Конец ознакомительного фрагмента.	104

**Редактор-
составитель Наталья
Анатольевна Якушина
Восемь лучших пьес
«ЛитоДрамы-2019»**

© Н. Якушина, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Предисловие

Международный драматургический конкурс «ЛитоДрама» направлен на то, чтобы повысить планку современной драматургии в России. На конкурс принимаются пьесы, грамотно оформленные и отредактированные, без использования ненормативной лексики, авторы которых знакомы с законами драматургии. Отбор лучших пьес осуществляет профессиональное жюри: драматурги, критики и режиссеры.

В сборнике представлены победители в восьми номинациях конкурса: «Пьеса», «Свободное пространство», «Пьеса без действия», «Прозаический театр», «Пьеса для детей и подростков», «Пьеса для Евгении», «Казанская история» и «Фантастическая пьеса».

Особенностью номинации «Свободное пространство» является наличие в пьесе подробностей о времени и месте, в котором происходит действие пьесы. Более узко представляет эту номинацию «Казанская история», пьеса о городе Казань, номинация создана совместно с арт-резиденцией «Старо-Татарская слобода» в Казани. «Пьеса без действия» – авторская номинация Льва Яковлева, поэта и драматурга. «Прозаический театр» – монологи одного героя. «Пьеса для Евгении» – пьеса для драматурга, режиссера и актрисы Евгении Скирды, которая недавно создала свой театр в Белгороде – ЦАД-театр (Центр актуальной драмы). Пьеса написа-

на специально для этого театра. «Фантастическая пьеса» – пьеса с фантастическим допущением, номинация проводится много лет совместно с конференцией по вопросам фантастики «РосКон». Лучшие фантастические пьесы публикуются в журнале «Российский колокол» при поддержке Интернационального Союза писателей.

Читки самых интересных пьес конкурса проводятся в Астрахани, в театре «Диалектика», и в Москве, в театре «Школа современной пьесы», в рамках проекта «Читки в ШСП!».

Конкурс имеет много партнеров, к которым относятся театры, различные организации, журналы и газеты. Отдельное спасибо за поддержку Союзу российских писателей и лично Светлане Владимировне Василенко.

За все время существования конкурс зарекомендовал себя как один из самых честных и популярных в России. Ежегодно в нем участвует от трехсот до шестисот русскоязычных авторов со всего мира.

Приятного чтения!

*Наталья Якушина, организатор международного конкурса
«ЛитоДрама»*

Александр Домовец

Об авторе

Александр Григорьевич Домовец родился 11 мая 1958 года в г. Волгограде. Получил высшее филологическое образование. По профессии – журналист, литератор. В 1975–1990 годах написал более ста юмористических рассказов, пародий, миниатюр, которые публиковались в региональной и общесоюзной прессе, коллективных сборниках. Издал два публицистических сборника: «Стройотряд шагает в завтра» и «Обретение престижа» (в соавторстве). Повесть «Проклятые» и роман «Последний бой патриарха» (1995–1996 гг.) были опубликованы в волгоградских газетах с продолжением. В 2001–2017 гг. написал девять фантастических и детективных романов и повестей. Они публиковались в электронном издательстве «Аэлита», волгоградских издательствах, издательстве «Вече» (Москва.) С 2017 г. написано десять пьес. Восемь из них стали победителями или финалистами международных конкурсов драматургии: «Время драмы», «ЛитоДрама», «Детство. Отрочество. Юность», «Автора – на сцену!». Пьеса «Контрольный поцелуй» принята к постановке и репетируется в волгоградском антрепризном театре

«Старая шляпа». Член Союза писателей России.

Восьмидесятник

(пьеса в двух актах)

Действующие лица:

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ ДЕНИСОВ – заместитель главного редактора информационного сайта «Заметки. Ру», 60 лет

ИРИНА МАРКОВА – корреспондент сайта, 25 лет

ЛЕВ ПЕТРОВИЧ БОГДАНОВ – главный редактор сайта, 35 лет

МАКСИМ КОНЯХИН – корреспондент сайта, 28 лет

ВИКА – секретарша главного редактора, 25 лет

Акт первый

Большая редакционная комната. За компьютером сидит о чем-то задумавшийся Денисов. Входит Ирина Маркова, на ходу разговаривая по телефону.

ИРИНА. *(В трубку.)* И все. И точка. И не звони мне больше, понял? *(Отключает трубку. Денисову – воинственно.)* До свиданья!

ДЕНИСОВ. Я тоже рад вас видеть, Ирочка.

ИРИНА. Ой, это я по инерции. Это я не вам, это ему. Доброе утро, Игорь Иванович!

ДЕНИСОВ. Надеюсь, что доброе. Очередное расставание?

ИРИНА. Ага. Юбилейное, пятое по счету.

ДЕНИСОВ. Ну какой же это юбилей? Вот когда доживете до десятого...

ИРИНА. Не доживу.

ДЕНИСОВ. Экая вы пессимистка, матушка. Вы еще так молоды.

ИРИНА. В смысле, хватит. Это капец какой-то. Приходит, живет недели две-три, а потом исчезает. То с друзьями на Селигер, то в Рязань с концертами бабло рубить, то еще куда-нибудь. В общем, в свободном полете, а я у него вроде запасного аэродрома. Крыша над головой, стол, постель, женщина – все к услугам, все для отдыха и восстановления сил. Денег у него вечно нет, а то, что я изо дня в день ишачу и плачу ипотеку, ему фиолетово. С утра до ночи строчит в своем блоге – вроде как при деле. В общем, не вариант. Полгода зря убила.

ДЕНИСОВ. Насколько я помню, еще три месяца назад вы были о своем молодом человеке другого мнения.

ИРИНА. Три месяца назад я еще надеялась.

ДЕНИСОВ. Грустно. В наше время мужчины относились к близким отношениям как-то ответственнее. Либо сами, либо парткомы разъясняли.

ИРИНА. Так то в ваше... Теперь каждый сам за себя.

ДЕНИСОВ. Увы... Но есть и хорошая новость. Я прочитал ваше интервью с Терентьевым. Вы знаете, мне понравилось. Оно украсит сайт.

ИРИНА. Правда?

ДЕНИСОВ. Правда. Простой кандидат в депутаты, а сколько умных мыслей. И написано неплохо, почти по-русски.

ИРИНА. Почти?

ДЕНИСОВ. А вы не обижайтесь. Я же не обижаюсь, когда вы в одном предложении трижды используете слово «регион». Есть же синонимы. Область, территория, родной край... Не ленитесь искать нужное слово. В крайнем случае зайдите в Интернет и поищите там. А лучше возьмите учебник русского языка и займитесь самообразованием. После университета самое время.

ИРИНА. А в целом?

ДЕНИСОВ. В целом прогресс налицо. И у вас, и у кандидата. Я его знаю, он человек незамысловатый. И вдруг такие любопытные рассуждения о том, как наполнить областной бюджет, как поддержать социально незащищенных людей... Признайтесь: сами за него придумали?

ИРИНА. А куда деваться? Он какую-то ахинею плетет, а мне заказ отрабатывать. В общем, включила креатив.

ДЕНИСОВ. Это нормально. Журналисты и спичрайтеры должны быть умнее кандидатов.

ИРИНА. Да я-то напишу... А вдруг его выберут? Ему же тогда придется выполнять то, что я сочинила. Умора.

ДЕНИСОВ. Ну, выберут-то обязательно. Верной дорогой идет товарищ, в ногу с главной партией. А насчет исполнения обещаний – не переживайте. Никто ничего выполнять не будет. Их не для этого избирают. Я вот на шестнадцати выборах работал. Помог избрать двух депутатов Госдумы, одного губернатора, трех мэров, региональных и муниципальных депутатов около десятка. И что-то не припомню, чтобы кто-то за народ сердце рвал.

ИРИНА. Убедили. Не пойду я голосовать.

ДЕНИСОВ. А вот это зря. В стране должен быть порядок. Есть выборы – идем и голосуем. Нет выборов – не идем и не голосуем. Вот мы с женой всегда ходим на выборы. Нам все равно, а государству приятно.

ИРИНА. Ой, хотела же спросить... Как ваша супруга?

ДЕНИСОВ. Спасибо, Ирочка, ей лучше.

ИРИНА. Сколько еще будет лежать?

ДЕНИСОВ. Недели через две грозятся выписать. Сложная все-таки была операция. Но вроде бы прошла нормально. Стучу по голове, лучшее дерево. *(Трижды стучит по собственному лбу.)*

ИРИНА. Ой, ну дай бог. Я так рада за вас.

ДЕНИСОВ. Теперь дело за малым: выплатить кредит за операцию.

ИРИНА. Выплатите, никуда не денетесь. Я же плачú ипо-

теку.

ДЕНИСОВ. Тоже не сахар. Но у нас, Ирочка, разные ситуации. Вы молоды, а я ведь уже фактически пенсионер. Пока работаю, платить можно, однако нет никакой гарантии, что меня будут держать еще хотя бы два года.

ИРИНА. Ну, вы скажете. Кто ж вас уволит: с вашим опытом, с вашим авторитетом? На ком редакция будет – на мне, что ли?

ДЕНИСОВ. Ну, когда-нибудь – и на вас. У вас хорошая голова, масса энергии и море обаяния. Для журналиста это важно. А опыт и авторитет наживете со временем. Только учебник по русскому языку проработайте, ладно?

ИРИНА. Я как бы клянусь.

ДЕНИСОВ. Я как бы верю. *(Оба смеются.)*

ИРИНА. Кофе будете?

ДЕНИСОВ. С удовольствием.

Ирина отходит к чайному столику в углу комнаты, готовит кофе. Входит Максим Коняхин.

МАКСИМ. *(С порога.)* Игорь Иванович, здрасте! А почему мою информацию про пацаненка не поставили? Ну, который вылетел из окна прямо в руки прохожего? Я еще вчера вечером перегнал.

ДЕНИСОВ. Добрый день, Максим. Почему же это не поставили? Висит именно со вчерашнего вечера.

МАКСИМ. Не нашел.

ДЕНИСОВ. Да вот, сами посмотрите.

Пускает Максима за компьютер, показывает на мониторе.

МАКСИМ. Действительно... Вы заголовок поменяли, я мельком глянул и не признал... Да тут и от моего текста почти ничего не осталось...

ДЕНИСОВ. Конечно. Заголовок неудачный, и написано, увы, неряшливо. Я вам сейчас поясню...

МАКСИМ. Не надо! Игорь Иванович, я тут всего год работаю, а вы меня уже заредактировали на всю оставшуюся жизнь. Вы же меня в комплекс неполноценности вгоняете.

ДЕНИСОВ. Голубчик, такой задачи у меня нет. Сколько раз говорил: пишите нормально, тогда и редактировать не придется.

МАКСИМ. А я не пишу. Я информирую.

ДЕНИСОВ. Ну так извольте делать это ясно, кратко и четко. А вы растекаетесь мыслью по древу.

МАКСИМ. Игорь Иванович, мне это надоело. Вы ко мне придираетесь. Я буду жаловаться главному.

ДЕНИСОВ. *(Разводя руками.)* Ну, что вам на это сказать? Жалуйтесь.

Сжав кулаки, Максим уходит.

ИРИНА. Игорь Иванович, а ведь он действительно сейчас настучит Богданову.

ДЕНИСОВ. Ну и на здоровье.

ИРИНА. Вот здоровья как раз и не будет. Будет геморрой. Богданов на вас и так косо смотрит.

ДЕНИСОВ. Ирочка, я нормальный человек и геморрой не люблю. Но и халтуру пропускать не приучен.

ИРИНА. А как вызовет главный? На ровном же месте будете оправдываться.

ДЕНИСОВ. Качество материалов Максима – мое лучшее оправдание. Парень, в принципе, писать может. Но у него ярко выраженная вербальная диарея.

ИРИНА. *(После паузы.)* Что у него?

ДЕНИСОВ. Ну, если угодно, словесный понос.

ИРИНА. А у меня?

ДЕНИСОВ. А у вас ничего такого нет. Ваши профессиональные ошибки из другой оперы. Но, к счастью, вы готовы их исправлять и вообще обучаемы.

ИРИНА. То есть насчет меня вы надежды не теряете?

ДЕНИСОВ. Господь с вами, конечно, нет. Твердо считаю в исторически сжатые сроки назвать вас лучшим пером редакции.

ИРИНА. Правда?

ДЕНИСОВ. Правда.

Входит Максим.

МАКСИМ. Игорь Иванович, вас Лев Петрович просит зайти.

ДЕНИСОВ. *(Пожав плечами.)* Я даже догадываюсь, по какому поводу. *(Выходит.)*

ИРИНА. Настучал все-таки?

МАКСИМ. Не настучал, а сообщил о придириках. Когда на человека нападают, он имеет право защищаться.

ИРИНА. Кто на тебя нападает, лошара? Игорь Иванович? Да он о тебе же заботится! Хочет журналиста из тебя сделать!

МАКСИМ. Достал он меня своей заботой. Я уже писать боюсь, понимаешь? Как представлю, что он опять начнет в материале ковыряться да комментировать...

ИРИНА. А ведь прав ты, Макс. Зря он ковыряется. Надо сразу в корзину.

МАКСИМ. Да ты-то куда лезешь? Тоже мне, журналистка с большой буквы «Ж». Сама пишешь кое-как.

ИРИНА. Да уж, по крайней мере, вербальной диареей не страдаю.

МАКСИМ. *(После паузы.)* Чем?

ИРИНА. Тем. В Интернете найдешь, если интересно. А стучать на старшего по возрасту и званию человека подло.

МАКСИМ. Ничего. Богданов разберется.

ИРИНА. Кто, Богданов? Этот разберется, а как же... Еще полгода назад рулил коммерческой фирмой. образо-

вание экономическое. К журналистике никакого отношения не имеет. Ему редакционные дела вообще по барабану – он деньги зарабатывает. Рекламу стрижет, над каждой копеечкой трясется. Вот Игорь Иванович – заслуженный человек, зам главного редактора. Почему он сидит в общей комнате с журналистами? Да потому, что Богданову арендовать еще один кабинет – легче удавиться. Компьютеры у нас старье, стулья – инвалиды, столы – пенсионеры. А этот доволен по самое некуда. Ну как же: оптимизация редакционных расходов... А ведь у нас раскрученный сайт, десятки тысяч просмотров, рекламы хватает. Так чего ж на людях экономить?

МАКСИМ. Маманя, тормози. Ты уже наговорила на два увольнения.

ИРИНА. Ах да! Совсем забыла, что делю кабинет со стукачом.

МАКСИМ. Зря ты так. За меня-то можешь не переживать, я тебя не сдам. А за других не ручаюсь. Народ у нас тут всякий, разный. Так что меньше болтай.

ИРИНА. Смотрите, какой заботливый! Имей в виду, Кошняин: если он Игоря Ивановича с твоей подачи обидит, я тебе глаза выцарапаю.

МАКСИМ. Ну что ты так сердце рвешь за своего Игоря Ивановича? Получит от Богданова втык, и все. Тут все от него втык получают, и никто еще не умер. А меня, может, третировать будет меньше. И вообще... (*Пауза.*) Какие планы на вечер? Может, в кино сгоняем?

ИРИНА. Занята.

МАКСИМ. Что будешь делать?

ИРИНА. От тебя отдыхать.

Просторный, обставленный хорошей мебелью кабинет главного редактора. Богданов беседует с Денисовым.

БОГДАНОВ. Коняхин в чем-то прав, Игорь Иванович. Бесконечной переделкой материалов вы парня просто обижаете.

ДЕНИСОВ. Лучше я – его, чем он – читателей.

БОГДАНОВ. Ну допустим. А Логунов? Я прочел репортаж, который вы ему завернули. Не так уж плохо.

ДЕНИСОВ. Не могу с вами согласиться, Лев Петрович. Материал сырой, хоть выжимай.

БОГДАНОВ. Вы несправедливы к Логунову. Он работает очень оперативно. За день подготовил пять информации и репортаж.

ДЕНИСОВ. Выдавать информационный вал он уже научился. Еще бы умел писать – золотой журналист был бы.

БОГДАНОВ. Так учите, черт возьми!

ДЕНИСОВ. Не каждого можно научить. У Логунова алексия. Он слова не чувствует. А чувство слова – это данность. Оно или есть, или нет. Нельзя же научить человека быть блондином или брюнетом. Уж какой родился.

БОГДАНОВ. Вы еще «Войну и мир» с него потребуйте.

У нас, в конце концов, информационный сайт, а не литературное издательство.

ДЕНИСОВ. «Война и мир» – это лишнее. Он и романа такого не читал. А вот четко думать и грамотно излагать мысли обязан. Это прожиточный минимум, без которого журналиста нет.

БОГДАНОВ. Вас послушать, так у нас не редакция, а сброд, сборище бездарей.

ДЕНИСОВ. В каком-то смысле так и есть. Даже не то что бездарей – дилетантов.

БОГДАНОВ. Да ну? Прямо-таки ответственное заявление сделали. (*Нажимает кнопку селектора.*) Вика, принеси кофе. (*Отключает селектор.*) О чем я? Ах да. Коллектив журналистов опустили ниже плинтуса.

ДЕНИСОВ. А где вы тут видите журналистов? Набрали мальчиков и девочек с навыками блогеров на пятнадцатикопеечный заработок. Зарплаты маленькие, гонорары мизерные, премии символические. Так они и результат выдают на пятнадцать копеек. В сущности, умеют только бегать и звонить. Это кое-что, но не более. Кроме заметок в соцсетях, ничего не читают, словарный запас минимальный. Ребята сами по себе неплохие, но хороший человек – не профессия. До журналистики им – как пешком до Китая. Я их переписываю с утра до вечера, иначе все эти информации, репортажи, интервью публиковать было бы просто нельзя. Сайт стал бы посмешищем.

БОГДАНОВ. Стало быть, на вас вся редакция держится?

ДЕНИСОВ. Точнее сказать, на моей функции. На месте Денисова может быть Иванов, Петров или Сидоров, но должен быть обязательно.

БОГДАНОВ. Как интересно... Значит, все плохо-плохо, беспросветно, так?

ДЕНИСОВ. Ну не то чтобы все...

Входит секретарша, подает кофе Богданову и Денисову, выходит.

ДЕНИСОВ. Есть пара ребят, которые что-то обещают. С ними я занимаюсь особо. Та же Ира Маркова может писать интересно. Голова хорошая, а ремеслом со временем овладеет. Кстати, и Коняхин не безнадежен. Гонора много, советы не воспринимает – вот беда. Но потенциал есть, и работать хочет. А в общем ситуация нерадостная. То, что писать не умеют, – это полбеда. В конце концов, я для того тут и сижу, чтобы их редактировать. Беда в том, что они думать не умеют. Не умеют и не хотят. Блогеры же! А если в материале нет мыслей, то и переписывать нечего.

БОГДАНОВ. Значит, по-вашему, блогер – это плохо?

ДЕНИСОВ. Трепло и бездельник – это всегда плохо. А с учетом возможностей Интернета – иногда и опасно.

Одним глотком допив кофе, Богданов встает, делает

несколько шагов вперед-назад. Останавливается возле Денисова.

БОГДАНОВ. *(Глядя на Денисова сверху вниз.)* Разговор с вами, Игорь Иванович, – это как прогулка по кладбищу: чем дальше, тем грустнее.

ДЕНИСОВ. Смелая метафора. Я вроде бы еще не умер.

БОГДАНОВ. Ну и живите себе, не о том речь... Я и раньше подозревал, а теперь убедился окончательно, что вы отстали от времени. Безнадежно. Редакция, журналистика, работа над словом... Забудьте. Это все лирика из прошлого века. Сегодня тренд изменился. Нет никакой редакции. Есть информационное предприятие. А предприятие обязано безостановочно выдавать продукт.

ДЕНИСОВ. Любой продукт, включая информационный, должен быть качественным.

БОГДАНОВ. Ерунда. Информационный продукт должен быть горячим и быстрым.

ДЕНИСОВ. Это вы про вчерашнее фото девушки, которой ветер задрал юбку, и обнажилось нижнее белье? С пошлым комментарием Митина, поставленным по вашему личному указанию?

БОГДАНОВ. А вы видели, сколько у этого снимка просмотров?

ДЕНИСОВ. Если бы девушка была голая, набралось бы еще больше.

БОГДАНОВ. Не утрируйте.

ДЕНИСОВ. Я не утрирую. Я стыжусь. Будь моя воля, этого фото не появилось бы.

БОГДАНОВ. Воля здесь моя. По согласованию с учредителем, разумеется... (*Пауза.*) Постарайтесь наконец усвоить: времена изменились. Бесповоротно. Раньше пресса работала на читателей, а теперь читатели работают на прессу.

ДЕНИСОВ. Вот как?

БОГДАНОВ. Именно так. Чем больше у издания читателей, тем интереснее оно для рекламодателя. Понятно?

ДЕНИСОВ. Да уж куда понятней.

БОГДАНОВ. Для чего я сюда назначен? Шлифовать стиль журналистов? Чушь. Моя задача – сделать сайт прибыльным. И я уже вывел его на самоокупаемость. Еще полгода-год, и он начнет приносить чистую прибыль. Этого требует от меня учредитель. Я этого добьюсь. Так не ставьте мне палки в колеса.

ДЕНИСОВ. Чем же я ставлю, позвольте спросить? Добросовестным исполнением своих обязанностей?

БОГДАНОВ. Вы добросовестны с перебором. Фактически вы терроризируете журналистов избыточной требовательностью. Люди уже писать боятся. Не один Коняхин на вас жалуется. А кроме того, по вашей милости мы теряем оперативность.

ДЕНИСОВ. Это каким образом?

БОГДАНОВ. Таким! Пока вы вчера переписывали ин-

формацию о выпавшем ребенке, ее на сорок минут раньше выдали ребята из «Городских новостей».

ДЕНИСОВ. Видел. Мало того, что написано коряво, так еще и фамилию спасителя переврали. Шибко торопились.

БОГДАНОВ. Да плевать мне на спасителя с его фамилией. Конкуренты нас опередили, понимаете? Вы на будущее или придирайтесь меньше, или редактируйте быстрее. *(Пауза.)* Слушайте! А может, зря я вас упрекаю? Может, вы просто уже не в состоянии работать оперативно? Все-таки шестьдесят, подустали небось... Так вы прямо и скажите.

ДЕНИСОВ. Спасибо за заботу. На работоспособность и здоровье пока не жалуюсь.

БОГДАНОВ. Ну смотрите. В общем, я надеюсь, вы меня поняли. Впредь никакой лирики. Ребят больше не мордуйте, у нас тут не штучное производство. Информационно-рекламный конвейер, и точка. У меня все.

Денисов молча встает и выходит.

БОГДАНОВ. *(Нажав кнопку селектора.)* Вика, зайти.

Заходит секретарша.

БОГДАНОВ. Ты зачем кофе принесла на двоих?

ВИКА. Так вы же вдвоем были с Игорем Ивановичем.

БОГДАНОВ. Если бы я хотел угостить Денисова кофе,

то так бы и сказал.

ВИКА. Но я же не знала, что вы не хотите.

БОГДАНОВ. А тебе знать не надо. Заруби на носу: твое дело – исполнять, что сказано. Точно и без самодеятельности. Поняла?

ВИКА. Поняла.

БОГДАНОВ. Смотри не разочаровывай меня. Свободна. (Пауза.) И принеси мне личное дело Ирины Марковой.

Вечерняя аллея. На скамейке сидит Денисов. Подходит Ирина.

ИРИНА. Я так и знала, что вы здесь. (Садится рядом.)

ДЕНИСОВ. Невелик секрет. Я тут каждый вечер после работы посиживаю, когда погода позволяет.

ИРИНА. Мне тоже тут нравится. (Пауза.) Игорь Иванович, что с вами происходит?

ДЕНИСОВ. А что не так?

ИРИНА. Да все не так. Третий день ходите как в воду опущенный. Это после того разговора с Богдановым, да?

ДЕНИСОВ. Хм... ну, в общем, да.

ИРИНА. Все-таки надо было Максу глаза выцарапать. Вот ведь козел, подставил.

ДЕНИСОВ. Макс, при всех недостатках, – вовсе не козел, так что пусть живет... неуклюже. Дело вообще не в нем.

ИРИНА. А в ком? В Богданове?

ДЕНИСОВ. Даже и не в Богданове.

ИРИНА. А в ком тогда?

ДЕНИСОВ. Во мне, Ирочка, во мне.

ИРИНА. Игорь Иванович, ну что вы загадками говорите?..

ДЕНИСОВ. Нет тут никаких загадок. Конечно, выслушать, что ты устарел, отстал от жизни и вообще силы уже не те, – обидно. Но еще обиднее сознавать, что во многом это правда. Остается подойти к зеркалу, посмотреть себе в глаза и честно признать, что твое время ушло.

ИРИНА. Это вам все Богданов сказал? Сволочь он.

ДЕНИСОВ. Ну, это как посмотреть. Во всяком случае, не дурак. Два высших образования, успешный опыт управления, решительный характер. Он просто такой современный Лопухин из «Вишневого сада». Молодой циничный прагматик. Или прагматичный циник – это как угодно. Ради выгоды все сметет, все вырубит, через все переступит. Но при этом не его вина, что мне стукнуло шестьдесят и эта эпоха уже не моя.

ИРИНА. Игорь Иванович, дорогой, ну зачем вы так говорите?

ДЕНИСОВ. Да ведь так оно и есть. Время идет своим чередом, и мы к этому привыкли. Жизнь рано или поздно проходит – и тут ничего нового. Но почему так быстро? (*Неловко улыбается.*) Вроде только вчера родители провожали в первый класс. Я и школьную линейку отлично помню, и букет

цветов, который мама сунула в руку, и сентябрьское тепло на пороге школы... А ведь прошло уже больше полувека. И вот сидит почтенный пожилой человек на садовой скамейке и утомляет молодую красивую женщину лирическим брюзжанием о скоротечности времени.

ИРИНА. Ничуть вы не утомляете, это во-первых. И ничего вы не брюзжите. С чего вам брюзжать? Вы – не старый, импозантный умный человек, талантливый журналист. Это я вам говорю как молодая красивая женщина. В смысле, коллега. Вы просто размышляете вслух.

ДЕНИСОВ. Ну да. Брюзжание есть форма интеллектуального самовыражения с негативным оттенком.

ИРИНА. Игорь Иванович, прекратите. Вы мне не нравитесь.

ДЕНИСОВ. Да? Обидно.

ИРИНА. То есть нравитесь, конечно... Не нравится ваше настроение. Не хочу, чтобы у вас была депрессия.

ДЕНИСОВ. Сам не хочу. Депрессия, или, по-русски уныние, – это ведь смертный грех.

ИРИНА. Вот и не грешите. Чисто мужская привычка: чуть что не так – или в хандру, или в запой. Или, не дай бог, и то и другое пакетом. Мы с одним моим бывшим парнем из-за этого расстались.

ДЕНИСОВ. Но я не собираюсь расставаться с будущим лучшим пером редакции.

ИРИНА. *(После паузы.)* Ну и не расстанемся. Вы мне то-

же нужны.

ДЕНИСОВ. *(После паузы.)* Очень рад это слышать.

ИРИНА. *(Решительно.)* Игорь Иванович, мне надо вступить с вами в неслужебные отношения.

ДЕНИСОВ. Вы меня интригуете, Ирочка. В каком смысле?

ИРИНА. В творческом. А вы что подумали?

ДЕНИСОВ. Я вообще пока не знаю, что думать. Расшифруйте.

ИРИНА. Все очень просто. Я хочу написать роман.

ДЕНИСОВ. *(После паузы.)* Написать или завести?

ИРИНА. Написать, написать.

ДЕНИСОВ. Странно. В вашем возрасте логичнее было бы завести... Ну, допустим. И что дальше?

ИРИНА. Главным героем будет немолодой человек примерно ваших лет.

ДЕНИСОВ. Еще более странно.

ИРИНА. Почему?

ДЕНИСОВ. Ирочка, всякий автор вольно или невольно выражает мысли, чувства и надежды своего поколения. Если угодно, транслирует. И это правильно, товарищи. Пишите о сверстниках. Так проще и естественней.

ИРИНА. Игорь Иванович, ну что можно написать о моем поколении? От силы заметку в чате... Нет поколения. Оно провалилось в Интернет. Там же и сгинуло. Не повезло мне с поколением.

ДЕНИСОВ. Так и напишете роман-крик о сгинувшем поколении. Это будет ярко и звучно. Если выйдет, конечно.

ИРИНА. Не хочу я кричать. Неинтересно. А вот вы, ваше время... Я о нем знаю мало, но почему-то притягивает. Мне кажется, что вы жили совсем по-другому. Меньше думали о деньгах и больше – о любви. Дарили женщинам цветы, целовали им руки, сочиняли стихи. Умели дружить без выгоды. Не боялись назвать скотину скотиной...

ДЕНИСОВ. Ирочка, вы идеализируете наше поколение. Хотя в чем-то вы правы. Конечно, мы были другими. Более бескорыстными, что ли. Довольно романтическими. Любили женщин и бардовские песни. Друзья были как братья. За «Мастера и Маргариту» не жалко было отдать ползарплаты. Надеюсь, в душе мы такими и остались. А вот мир вокруг изменился категорически и бесповоротно. И я сам себе иногда кажусь белой вороной. М-да... Так чем я могу вам помочь?

ИРИНА. Вы будете консультантом по прошлой эпохе. Мне нужна информация. Как жили, как одевались, что ели-пили, о чем разговаривали, как строили отношения... О чем думали, во что верили... В общем, я буду брать у вас интервью на разные темы.

ДЕНИСОВ. То есть с моей помощью вы хотите услышать эхо ушедшего времени и выплеснуть его на бумагу.

ИРИНА. В точку, Игорь Иванович. Именно так.

ДЕНИСОВ. *(После паузы.)* Любопытно... А почему бы и нет? В принципе, из этого может что-то получиться. Вы

человек литературно одаренный. Мне нравится ваш интерес к нашему времени. (*Цитирует.*) «Мы были высоки, русоволосы, вы в книгах прочитаете, как миф, о людях, что ушли, недолгожив, не докурив последней папиросы».

ИРИНА. Это что?

ДЕНИСОВ. Это стихи Николая Майорова. Был такой славный поэт, вспомнил его по ассоциации. Написано о поколении, которое вскоре ушло воевать и почти целиком полегло на войне. О нас такого, слава богу, не скажешь, но и на нашу долю выпало... много чего выпало.

ИРИНА. Вот об этом и поговорим. Ну что, согласны?

ДЕНИСОВ. По рукам.

Встают, обмениваются церемонным рукопожатием, смеются. Снова присаживаются.

ДЕНИСОВ. В качестве первого взноса в будущую работу примите один совет и одно пожелание.

ИРИНА. Уже приняла. А что за совет?

ДЕНИСОВ. Роман непременно должен быть о любви. Возраст, профессия, социальный статус, обстоятельства героев могут быть разными – это как придумаете. Но главное все-таки – отношения между мужчиной и женщиной. Ничего важнее человечество еще не сочинило. Банально, и все же так. Все остальное, включая деньги, ракеты и компьютеры, должно быть не более чем фоном для отношений. Иначе бу-

дет неинтересно, и как писатель вы провалитесь.

ИРИНА. Не хотелось бы... А какая любовь для романа выигрышнее – счастливая или трагическая?

ДЕНИСОВ. Любовь по сути своей всегда трагична, потому что ограничена человеческим веком и много чем еще... Прежде чем браться за свой роман, прочтите Ремарка: «Трех товарищей», «Триумфальную арку». Никто лучше не выразил трагизм любви и ощущение уходящей жизни.

ИРИНА. Я читала. Ревела очень... но читала.

ДЕНИСОВ. Правильная реакция. Я тоже в молодости не мог читать без слез. Школьником еще.

ИРИНА. А вы сказали, что кроме совета есть и пожелание.

ДЕНИСОВ. Если ваш герой пребывает в моем возрасте, назовите свой будущий роман примерно так – «Баллада о восьмидесятнике».

ИРИНА. А почему «восьмидесятник»?

ДЕНИСОВ. Понимаете, ровно полжизни назад, в конце восьмидесятых годов прошлого века, случилось то, что принято называть перестройкой. И мы, кому тогда было плюс-минус тридцать, поверили в лучшее. Как потом выяснилось, напрасно. Но вот это ощущение свободы, новых возможностей, свежего воздуха... Разве такое забудешь? Предчувствие счастья – больше, чем само счастье. И какое-то время, пока верили, мы были счастливы. Кто это пережил, тот и есть восьмидесятник.

ИРИНА. Это по аналогии с «шестидесятниками»? Ну, которые застали хрущевскую оттепель в шестидесятых годах?

ДЕНИСОВ. Застали, да. Она тоже была недолгой.

Звонит телефон Денисова. Тот, извинившись, берет трубку.

ДЕНИСОВ. Да, моя радость. Как себя чувствуешь?.. Та-а-ак... А Илье Моисеевичу рассказала? И что говорит?.. Назначил новое лекарство? Ну, значит, так надо. С Ильей Моисеевичем спорить – себе дороже. Я к тебе завтра приеду. Что привезти?.. Понял. У меня все в пределах. Нет, с голоду не помираю. Сварил борщ и вообще... Да, уже собрался домой. Целую, до завтра. *(Отключает телефон.)*

ИРИНА. Как ваша жена?

ДЕНИСОВ. Надеюсь, что нормально.

ИРИНА. *(После паузы, вставая.)* Игорь Иванович, ну, тогда я к вам сегодня больше приставать не буду. А с завтрашнего дня начну приставать при каждом удобном случае. Ладно?

ДЕНИСОВ. Приставайте. Я же консультант вашего, как сейчас говорят, проекта.

ИРИНА. Нашего!

ДЕНИСОВ. Тем более. Давайте я вас подвезу.

ИРИНА. Вы не просто консультант. Вы благодетель.

Кабинет главного редактора. Богданов сидит за столом, просматривая документы и что-то подписывая. Заходит Ирина.

ИРИНА. Добрый день, Лев Петрович. Вызывали?

БОГДАНОВ. Привет, Ира. Не вызывал, а пригласил. Проходи, садись.

Ирина садится. Богданов откладывает бумаги, нажимает на кнопку селектора.

БОГДАНОВ. Вика, сделай нам с Ирой кофе. *(Отключает селектор.)* Как дела?

ИРИНА. Спасибо, все хорошо.

БОГДАНОВ. Вижу, что хорошо. Прочел твою статью о состоянии городского ЖКХ. Молодец, глубоко копнула. Цифры, факты, выводы – все убедительно.

ИРИНА. Спасибо на добром слове.

БОГДАНОВ. Заслужила. Собственно, после этой статьи решил с тобой поговорить.

ИРИНА. Слушаю внимательно.

БОГДАНОВ. Ты ведь у нас уже три года работаешь?

ИРИНА. Ну да.

БОГДАНОВ. Можно сказать, ветеран. Другие ребята только год-полтора отпахали.

ИРИНА. Кое-кто и поменьше.

БОГДАНОВ. Точно. Митин пришел в конце прошлого года.

Входит Вика с подносом. Молча ставит кофе, уходит.

БОГДАНОВ. И вот такая интересная картина складывается. Работаете давно, опыт есть, пишете хорошо. (*Отпивает кофе.*) Ты в корреспондентах не засиделась?

ИРИНА. Что вы имеете в виду?

БОГДАНОВ. Разговор пока между нами. В ближайшее время я отправлю Денисова на пенсию. Мне нужен крепкий, толковый зам. Молодой, энергичный, профессионал. Понимаешь? Со стороны брать никого не хочу, а в редакции ты единственная достойная кандидатура. Что скажешь?

ИРИНА. (*После паузы.*) Неожиданно...

БОГДАНОВ. Это для тебя неожиданно. Я-то к тебе давно присматриваюсь. Мне нравится, как ты работаешь. И у ребят в авторитете.

ИРИНА. Лев Петрович... а не рано Игоря Ивановича в отставку? Он для всей редакции стержень.

БОГДАНОВ. Не рано. Человек он, конечно, опытный, уважаемый, поработал на славу. Скажем спасибо и проводим на заслуженный отдых. Годы свое берут, деваться некуда. Тормозить начал Игорь Иванович, понимаешь? Заикнулся на качестве информационного продукта, будто все еще в со-

ветской редакции работает. Эпоха другая, требования другие, а он все тот же. Младших коллег зажимает, и многие недовольны. Мне это не нравится.

ИРИНА. Правильно зажимает. Если нас не зажимать, мы такое сырье сдавать будем... Я-то изнутри знаю. Вот вы похвалили мою статью. Так Игорь Иванович над ней очень сильно поработал. Главное – смысловые акценты расставил как надо. Я сама не додумалась, опыта пока не хватает. И, если честно, под материалом должна стоять и его подпись.

БОГДАНОВ. Что ты так Денисова защищаешь? Можно подумать, я собрался гнать его пинком под зад.

ИРИНА. А что, нет?

БОГДАНОВ. Не волнуйся. Все будет красиво. Проводим со всем уважением. Цветы, грамоты от редакции и Союза журналистов, премию выпишем... Но уйти ему придется. У меня большие планы по развитию сайта, и он в них не вписывается. А ты вписываешься.

ИРИНА. По-человечески, если не для передачи... Нельзя его увольнять, Лев Петрович.

БОГДАНОВ. Это еще почему?

ИРИНА. На нем большой кредит. Чтобы выплатить, надо еще года два поработать. Взял на операцию жены.

БОГДАНОВ. Вот как? Не знал. *(Пауза.)* Ну и как прошла операция? Успешно?

ИРИНА. Вроде да.

БОГДАНОВ. Ну и слава богу. А кредит не аргумент. Вы-

платит как-нибудь, не маленький. Ничего себе – два года! За два года много чего произойдет. Мне нужна молодая динамичная команда, с которой можно делать информационный бизнес. При чем тут Денисов? Он и с компьютером-то на «вы». Только и умеет, что писать и тексты править, а поди ж ты... Знаешь, что он мне на днях заявил? Что на нем вся редакция держится. Мания величия на старости лет накрыла.

ИРИНА. Вообще-то, во многом так и есть. Ребята его, может, и не все любят, но уважают. Злятся, конечно, когда заставляет тексты переписывать, но уважают. И вот что, Лев Петрович... *(Пауза.)* Может, не мое дело, но, прежде чем увольнять Игоря Ивановича, вы бы посоветовались с Вилюйским. Ну, в смысле с нашим учредителем. На всякий случай.

БОГДАНОВ. Поговорю, конечно. Я не могу уволить заместителя главного редактора без согласования с хозяином. А что?

ИРИНА. Вы у нас недавно, еще не знаете... Два года назад, когда Вилюйский шел в Госдуму, Игорь Иванович работал в его избирательном штабе спичрайтером. И поработал здорово. С тех пор у них с Вилюйским хорошие отношения, чуть ли не дружеские. Игорь Иванович просто это не афиширует.

БОГДАНОВ. *(После паузы.)* Да, это нюанс... Учту. Спасибо, что сказала. Аргументы для хозяина я найду. А ты пока морально готовься. Мне в общем нравится твоя щепетильность по отношению к Денисову. Старший коллега, настав-

ник и все такое. Но, во-первых, ты его не подсиживаешь. Уволить его – мое решение, так что не парься. А во-вторых, жестче надо быть, решительнее. Время сейчас такое – не до лирики. Согласна?

ИРИНА. Я подумаю.

БОГДАНОВ. Вот и думай. *(Пауза.)* Давай сегодня поужинаем вместе. Продолжим разговор в спокойной обстановке. Есть что обсудить и вообще...

ИРИНА. *(После паузы, не глядя на Богданова.)* Сегодня не могу. Родители устраивают семейный вечер.

БОГДАНОВ. *(Безапелляционно.)* Значит, завтра. Я закажу столик в «Короне». И не откровенничай пока ни с кем. Разговор между нами.

Редакционная комната. Ирина сидит за компьютером, что-то пишет. Врывается Максим Коняхин.

МАКСИМ. *(С порога.)* Ирка, бросай работать. Седьмой час уже. Пошли в кафе, шампанского выпьем.

ИРИНА. С чего это?

МАКСИМ. Поздравь – в первый раз материал вышел почти без правки. Что это с Денисовым? Или я писать наконец научился? В общем, проставляюсь.

ИРИНА. Поздравляю. Не научился. Пей сам.

МАКСИМ. *(Опешив.)* Что ж так неласково, маманя? Я тебя вроде ничем не обидел.

ИРИНА. Меня – нет. Игоря Ивановича – да.

МАКСИМ. А-а-а... ты про тот случай.

ИРИНА. Про тот, Максик, про тот. Денисов с тобой просто больше не хочет связываться. Стукачом брезгует. Так что смело пиши что хочешь. И от читателей огребай. Ты чат смотрел? (*Смотрит в компьютер, читает.*) «Кто-нибудь, объясните автору, что нельзя так писать: “Неумолимые наручники правосудия сковали преступника на ближайшие два года”. Это информационная заметка или пародия?». А вот еще: «Событие на копейку, а навалили на весь рубль. Словооблудие в чистом виде. К смыслу не продерешься...». Это все про твой не правленный Денисовым материал.

МАКСИМ. Ну и что? На всех не угодишь.

ИРИНА. И не надо. Ты, главное, уже угодил главному.

МАКСИМ. Ир, ну зачем ты так? Ну, хочешь, я перед Денисовым извинюсь?

ИРИНА. Я, Максик, одного хочу: чтобы ты меня оставил в покое. Иди уже, седьмой час. Посиди в кафе, шампанского похлебай, ощути себя крутым журналистом. А мне работать надо.

МАКСИМ. (*После паузы.*) Что-то ты мне сегодня не нравишься, маманя. Надменная стала, а с чего? Не с того ли, что нынче битый час просидела у Богданова? Кофеек пили, о чем-то судьбоносном беседе беседовали?

ИРИНА. А ты спроси у Богданова. Он все доступно объяснит. Тебе понравится.

Максим молча выходит. Ирина, опустив голову, прячет лицо в ладони. Входит Денисов.

ДЕНИСОВ. Что с вами, Ирочка? Вам нехорошо?

ИРИНА. Да нет, Игорь Иванович, устала просто.

ДЕНИСОВ. Ну так поезжайте домой отдыхать.

ИРИНА. Дома никто не ждет, так что спешить некуда.

ДЕНИСОВ. Значит, со своим молодым человеком вы расстались безвозвратно?

ИРИНА. Еще безвозвратнее. Забрал свою зубную щетку и заявил, что раз я не читаю его блог, то о чем со мной говорить. И гордо удалился. Наверно, искать родственную душу.

ДЕНИСОВ. М-да... Сердце блогера склонно к измене. По-моему, вы легко отделались. Мог напоследок и денег занять.

ИРИНА. Откуда вы знаете? Занял... пятьсот рублей. Больше не было.

ДЕНИСОВ. Не жалейте. Пятьсот рублей за полученный опыт и обретенную свободу – это не деньги. Зато теперь вы открыты для новых отношений.

ИРИНА. Спасибо, мне и старых надолго хватит. Работать надо. *(Пауза.)* Игорь Иванович, я тут сюжет романа в первом приближении набросала. Хочу, чтобы вы оценили... Ой, я не спросила: у вас время-то сейчас есть?

ДЕНИСОВ. Есть, Ирочка. В больницу поеду только че-

рез час. Я весь внимание.

ИРИНА. Тогда давайте я буду делать кофе и рассказывать. *(Подходит к столу, ставит чайник и одновременно говорит.)* Героиней будет молодая дура.

ДЕНИСОВ. Смело... И в чем же выражается ее дурость?

ИРИНА. А запросы у нее несовременные. Живет неплохо, работает с удовольствием. При этом выглядит хорошо и на недостаток мужских взглядов не жалуется. Есть и вполне выгодные варианты. В общем, почти в шоколаде.

ДЕНИСОВ. А что не так?

ИРИНА. Варианты исключительно постельные. Само по себе это не страшно, потому что героиня в расцвете лет и вовсе не монашка. Думает: ну ладно, с этим обожглась, но уж следующий-то... А следующий – плюс-минус такой же. И ничего ему не надо, кроме постели. И получается, что у девушки тело в порядке, а душа в анабиозе. Интим есть, а любви нет. Понимаете?

ДЕНИСОВ. Отлично понимаю. Что дальше?

ИРИНА. *(Ставя на стол чашки с кофе.)* А дальше появляется герой. Я вам говорила: это немолодой человек, героине ровно в отцы... С чего бы им интересоваться? Но в нем есть то, чего не хватает в ровесниках: ум, доброта, надежность. Спокойная основательность. Много испытал и пережил. И даже его седина не отталкивает, потому что красивая. Такой, что ли, настоящий, не виртуальный. Сначала героине с ним просто интересно. Потом очень интересно. А затем она

вдруг осознает, что он ей уже небезразличен... Так бывает?

ДЕНИСОВ. Бывает, почему нет? Молодые женщины нередко влюбляются в людей много старше их.

ИРИНА. А вот смысла влюбляться нет. Ни малейшего. Дело даже не в его годах. Просто он женат – раз и навсегда. Я уже не говорю, что он небогат и ничего не может дать героине... кроме себя. Но ведь ей ничего другого и не надо. Тянет к нему, и все.

ДЕНИСОВ. Да, сложная ситуация.

ИРИНА. Я же говорю: дура.

ДЕНИСОВ. Совсем даже не дура, не согласен... Ситуация вполне жизненная и психологически объяснимая. Душа, тем более женская, не может вечно быть в анабиозе. Рано или поздно она проснется и потребует своего. И если она выбрала человека, тут уже неважно, богат он или беден, молод или стар.

ИРИНА. А что дальше? (*Пауза.*) Это я как автор себя спрашиваю.

ДЕНИСОВ. Дальше, Ирочка, вас как автора ожидает большая проблема.

ИРИНА. Какая?

ДЕНИСОВ. Ну вот смотрите... (*Допивает кофе.*) У каждого героя должна быть своя психология и свой, как принято говорить, бэкграунд. То есть прошлое, которое формирует человека и его сегодняшнее поведение, поступки. Вам нетрудно представить психологию и бэкграунд героини. В

конце концов, вы с ней примерно одного возраста и сходного опыта. Но как вы будете описывать героя, который годится в отцы? Вам придется придумывать и его прошлое, и его мысли, чувства. Не факт, что вы сумеете адекватно понять человека другого поколения.

ИРИНА (*После паузы.*) А вы мне поможете.

ДЕНИСОВ. Я?

ИРИНА. А кто еще? Вы же у меня консультант. Дайте мне прошлое героя. Дайте его характер, мысли, привычки.

ДЕНИСОВ. Ну да, конечно... Хорошо, попробую. (*Встает, делает несколько шагов.*) Прошлое героя... Тут надо сразу понять, что он вовсе не герой. Это обычный среднестатистический человек, в котором, как и в каждом, намешано хорошее и плохое. Пусть он будет журналистом – так легче. Это наша специфика, она вам понятна... Ну, что сказать? Он классный журналист. Он увлечен профессией и от души считает, что своими публикациями способен исправить минусы окружающей действительности. При советской власти карьера складывается вполне успешно. В родной газете его не раз повышали, он зачислен в руководящий резерв. А потом перестройка. И он, сам того не зная, становится восьмидесятником, потому что наивно верит в обновление общества... Он дышит ветром перемен и смутно прозревает иную жизнь – богатую, свободную, когда весь мир на ладони: и Эйфелева башня, и Бранденбургские ворота, и Биг-Бен. Глупец...

ИРИНА. Глупец?

ДЕНИСОВ. Хотя нет, пожалуй. Глупец – это тот, кто так ничего и не понял. А ваш герой с годами многое осознал. Например, что Бальзак – действительно великий писатель.

ИРИНА. При чем тут Бальзак?

ДЕНИСОВ. А он написал роман «Утраченные иллюзии». Вот эти два слова – как клеймо на судьбе нашего поколения. Знали бы вы, как мучительна утрата иллюзий! Они уходят, а что взамен? Депрессия, страх, бессонные ночи. Ломка та еще. Ищешь свое место в новой жизни и не можешь найти. Разочаровываешься в кумирах, ощущаешь свою не востребо-ванность. Появляется непривычная мерзкая бедность. И как со всем этим жить дальше? Во что верить?.. Еще вчера с гордостью думал, что довелось жить в эпоху обновления. А сегодня, выгребая мелочь из кармана, понимаешь, что эпоха обновилась куда-то не туда... Странно, казалось бы, иллюзии ничего не весят. Но сколько людей придавило их обломками...

ИРИНА. А наш герой? Он так и не увидел Эйфелеву башню?

ДЕНИСОВ. Отчего же, увидел. И Триумфальную арку увидел, и Кельнский собор, и Тауэрский мост, и даже Белый дом. Поездил от души. Стал ли он от этого счастливее? Не знаю, не уверен... Вообще-то ему повезло – он уцелел. Выжил, не спился, как очень и очень многие. Был молод, энергичен и профессионален. Вкалывал как ненормальный

от безысходности. Расслабиться не давал инстинкт самосохранения. В разное время выпускал собственную газету, создал свое рекламное агентство. Иногда жил очень неплохо, но чаще – трудно. Все-таки по натуре он не предприниматель. Занимался политикой и даже стал однажды городским депутатом. Подвизался на ниве общественных связей, работал на многих выборах. На старости лет решил вернуться в профессию и встретил пенсионную дату за редакционным столом... Вот, если крупными штрихами, бэкграунд вашего героя.

ИРИНА. *(После паузы.)* Запротоколировано. А его характер? Психология?

ДЕНИСОВ. Хм... тут важно показать, что герой совсем не идеален. Да, в нем есть немало хорошего. Не глуп, добр, отзывается на чужую беду. Не жаден, скорее, любит гусарить – когда позволяют обстоятельства. Потому, кстати, и денег не скопил... Написал десяток романов, получил массу хороших рецензий, но так ничего и не издал – как-то не сложились отношения с издательствами. Стеснялся лезть в глаза, просить...

ИРИНА. А как бы почитать?

ДЕНИСОВ. Не отвлекайтесь... Вот это самое стеснение преследует его всю жизнь. Типичный интеллигент, хотя вслед за Чеховым это слово терпеть не может. Любит женщин, и женщины, в общем, его тоже любят. В этом, быть может, главная беда и проблема его жизни.

ИРИНА. Ну, знаете... Любить и быть любимым – это же счастье. В чем беда, в чем проблема?

ДЕНИСОВ. Беда в том, что в конце каждой встречи маячит разлука... Как-то однажды, на излете советской власти, он с делегацией от Союза журналистов полетел во Францию. И была в делегации красивая светловолосая тележурналистка с Дальнего Востока. И влюбился он мгновенно и сумасшедше. И ответила она ему взаимностью... Головой-то он понимал, что у этой связи нет будущего. Безумное расстояние между их городами, его семейное положение – все, ну все против. А душа рвется. И вот он прилетает к ней на Дальний Восток. Раз, другой, третий... Иногда, если она в Москве, он правдами и неправдами вышибает из редактора командировку в столицу. Работа, семья – все теперь как во сне. Отныне вся жизнь состоит из коротких редких встреч и невыносимо длинных пауз между ними. Чтобы заполнить их, он каждый день звонит ей, пишет письма и в каждое вкладывает новое стихотворение.

ИРИНА. Но стихи-то процитировать можно? Не роман же. Ну пожалуйста.

ДЕНИСОВ. Отчего же, можно. Хотя, разумеется, это не Шекспир. (*Читает.*)

И снова мы с тобой – в разрыв.

Разлука на двоих.

Сажусь я в поезд, не остыв

От рук и губ твоих.

*Теперь я знаю: кто влюблен —
Тот с дулом у виска...
А волосы легки, как лен,
Но тяжела тоска.
Ах, если б, зная наперед,
Все разрубить сплеча...
А пальцы холодны, как лед,
Но вера горяча.
...Стучат, минуты торопя,
Колеса вразнобой.
Я уезжаю от тебя.
Я все равно с тобой.*

(После паузы.) Такой, что ли, поток сознания. Но герой ведь не поэт, он журналист... Что вы, Ирочка?

ИРИНА. (Отвернувшись.) Хотела бы я утонуть в таком потоке... А что было потом?

ДЕНИСОВ. Потом случилось то, что и должно было случиться. Они просто устали. Спалили друг друга дотла: короткими встречами, долгой разлукой, звонками, письмами. И расстались. Каждый остался со своей пустотой.

ИРИНА. Послушайте! Но если была такая любовь... почему он просто не развелся?

ДЕНИСОВ. А не мог. В будущую жену герой влюбился еще в школе. И что бы ни случилось в жизни, каких бы женщин ни встречал, вот этот образ... образ девочки-школьницы с чудесной косой и замечательными ямочками на ще-

ках... этот образ всегда был с ним. Стоял перед глазами, не давал о себе забыть. Прошло больше сорока лет, и она уже давно не та, но герой-то видит ее все той же десятиклассницей. Она не только его женщина – она вся его жизнь. Расстаться с ней выше любых сил. Вот он и не расстался.

ИРИНА. *(После паузы.)* А она знала про этот роман?

ДЕНИСОВ. Знать-то не знала, но, конечно, догадывалась. Понимаете, когда проживешь с человеком много лет, начинаешь его чувствовать. Разумеется, она видела, что герой мечется, что ему плохо, что он ушел в себя... Кстати, никаких специальных усилий, чтобы сохранить его, она не прилагала. Сцен, скандалов, истерик – ничего этого не было. Была она, были дети, был дом. И этого оказалось достаточно, чтобы герой постепенно пришел в себя и вернулся к привычной жизни.

ИРИНА. А как же дальневосточная любовь? Он ее забыл?

ДЕНИСОВ. Нет, не забыл. Но... наверно, у каждого где-то глубоко в подсознании есть такие, что ли, весы. Они взвешивают и оценивают все, что существует и происходит в жизни человека. Так вот, внутренние весы героя сделали свой выбор. И он его принял.

ИРИНА. *(После паузы.)* И еще говорят о женском непостоянстве. А тут мужчина любит одновременно и жену, и ту, другую... Не просто спит с каждой, а именно любит. Странно все-таки.

ДЕНИСОВ. Странно? Вы хотели бы, чтобы ваш герой был однолюбом? Ну что ж, он и сам этого хотел бы. Так жить намного проще. Учитывая его отношение к жене, в каком-то смысле так и есть. Но человек сплошь и рядом выламывается из стереотипов. И что же, его теперь за это – расстрелять? Вы же не осуждаете меня за то, что я одновременно люблю и Моцарта, и Баха, хотя более несхожей музыки не найти. Каждый прекрасен по-своему, вот в чем дело. Так и с женщинами. Просто с одной хорошо, а без другой нельзя.

ИРИНА. Тогда что же такое любовь вообще?

ДЕНИСОВ. Ну, это каждый понимает по-своему. Идеалом от века принято считать историю Ромео и Джульетты – и пусть. Красивые легенды тоже нужны. Лично я поверил бы в эту любовь, если бы Шекспир изобразил их не подростками, а зрелыми людьми. Как ни считай, а любовь проверяется временем. Все прочее есть томление духа и тела. Вот как у этих бедных детей из Вероны...

Звонит мобильный телефон Денисова. Извинившись, он берет трубку.

ДЕНИСОВ. Илья Моисеевич? Добрый вечер. А я как раз собираюсь ехать. Как там моя половина?.. Что? Что?! (*Вскрикивает.*) Господи... Я... да, я сейчас... бегу, еду. Сейчас, сейчас уже...

Хватает портфель, быстро идет к выходу.

ИРИНА. (*Поднявшись, с тревогой.*) Что случилось, Игорь Иванович?

ДЕНИСОВ. (*На ходу.*) Это из больницы звонили. Жена...

Не договорив, выбегает.

Акт второй

Редакционная комната. За компьютером сидит Коняхин. Входит секретарша Вика.

ВИКА. Ну что, Макс, влетел?

МАКСИМ. Куда?

ВИКА. Ну, куда, это тебе виднее. А опаздывать на работу нечего. Богданов велел, чтобы ты написал объяснительную.

МАКСИМ. Нормальное кино! Торчать допоздна, пока не отпишешься, или там в субботу на репортаж – это милости просим. А как на двадцать минут опоздал из-за пробки, так сразу объясняйся. Он же еще и премию урежет.

ВИКА. Ну почему урежет... Просто лишит.

МАКСИМ. Добрая ты.

ВИКА. Какая есть. Пиши, пиши. Совсем разболтались, пока Игоря Ивановича нет.

МАКСИМ. А он когда выходит?

ВИКА. В понедельник. А объяснительную ты напишешь сегодня. Так что заступиться некому.

МАКСИМ. Я что, один опаздываю, что ли?

ВИКА. Не волнуйся. Еще двое пишут.

МАКСИМ. Ирка тоже?

ВИКА. Насчет Ирки указаний не было.

МАКСИМ. Да она вчера на полчаса позже приехала.

ВИКА. Ты за нее не переживай. Ты за себя переживай.

МАКСИМ. Понятно. Я же каждый день с начальством кофеем не балуюсь.

ВИКА. Ну да. Бюстом не вышел.

МАКСИМ. При чем тут бюст?

ВИКА. С трех раз угадай.

МАКСИМ. *(После паузы.)* Так ты думаешь, что он...

ВИКА. *(Пожимая плечами.)* Я думаю, что у главного правильная ориентация.

МАКСИМ. Да что ты все намеки намекаешь!.. Ты прямо скажи.

ВИКА. Тебе, Макс, в отпуск пора. Заработался и простых вещей не видишь. Глаз он на нее положил, чего тут не понять?

МАКСИМ. *(После паузы.)* А она?

ВИКА. Врать не буду, не знаю. Но, если откажется, будет полная дура. Мужик не старый, внешность в порядке, с деньгами, с положением. А она не замужем.

МАКСИМ. Но он-то женат.

ВИКА. Когда и кому это мешало? Тут другая тема есть: как Игорь Иванович отреагирует.

МАКСИМ. А при чем тут Игорь Иванович?

ВИКА. Да все при том же.

МАКСИМ. *(После паузы.)* Тормози, маманя. Что-то у тебя нынче креатив зашкаливает. Ты хочешь сказать, что она ему... нравится?

ВИКА. Макс! Научно доказано, что мужик дальше своего носа не видит. А женщина видит все. У него же при ней глаза загораются, я давно заметила.

МАКСИМ. Да он ей в дедушки годится!

ВИКА. Не в дедушки, а в отцы. И что с того? Это человек, мужчина. На нем вся редакция держится. А что в годах, так седина бобра не портит.

МАКСИМ. Чушь какая-то. У него и сил уже ни на что нету.

ВИКА. Ну, ты его силы не считал. А хоть бы и так... Где сил не хватает, там опытом берут. И женщина в порядке, ясно тебе? А если ясно, пиши объяснительную и тащи ко мне в приемную. Да не тяни.

Уходит. Коняхин встает, начинает бродить по комнате взад-вперед, сжав кулаки.

МАКСИМ. Вот, значит, как, Игорь Иванович. Вот, зна-

чит, как... Вот, значит, почему вы ее всегда в пример... А она? Да нет, быть не может. Скорей уж Богданов. А почему тогда она вечно за Денисова заступается? Все равно ерунда. Не дура же она, в конце концов, чтобы на старика запасть... Или все-таки дура? А я уж точно дурак. В кино звал, в кафе... Радовался, когда она со своим блогером разбежалась... А получается, что хоть молодой, хоть старый, ловить все равно нечего...

Входит Денисов.

МАКСИМ. (*Хмуро.*) А, Игорь Иванович. Здравствуйте. Мы вас в понедельник ждали.

ДЕНИСОВ. Максим, приветствую. Правильно, что в понедельник. Я, в общем, на минуту. Бумаги кое-какие в столе забыл. Не до них было.

Подходит к своему столу, достает какие-то бумаги, прячет в наплечную сумку.

ДЕНИСОВ. Как вы тут?

МАКСИМ. Да все как обычно. Помаленьку.

ДЕНИСОВ. Ирина справляется?

МАКСИМ. Да вроде... Главное – Богданов хвалит. Мол, с обязанностями освоилась, готовый заместитель... При всех говорит. (*Пауза.*) Смотрите, Игорь Иванович, пока вы за

свой счет взяли и за супругой ухаживаете – подсидит, и глазом моргнуть не успеете. Такой палец в рот не клади. Извините, конечно, может, это не мое дело, но я просто хочу предупредить.

ДЕНИСОВ. *(Холодно.)* С чего вдруг такая забота?

МАКСИМ. А из уважения.

ДЕНИСОВ. Странно. После того как я забраковал десятки ваших материалов, вы меня уважаете?

МАКСИМ. Так то вы. У вас авторитет, опыт, имя. Значит, право имеете. А когда Ирка начинает редактировать меня, Вальку Логунова, Женьку Митина... Она кто такая вообще? Ну кто? Такая же, как мы. Просто понравилась главному и теперь корчит из себя крутого журналиста, выслуживается.

ДЕНИСОВ. Глупости говорите, Максим. В вашем возрасте пора бы усвоить, что зависть есть выражение комплекса неполноценности. Так что не комплексуйте. А Ирина – человек способный. И, если уж на то пошло, в какой-то момент вполне может меня заменить.

МАКСИМ. Момент, Игорь Иванович, может наступить быстрее, чем вы думаете.

ДЕНИСОВ. М-да... Вот не знал, что вы такой поклонник классики.

МАКСИМ. При чем тут классика?

ДЕНИСОВ. В «Горе от ума» что сказано? «Ах, злые языки страшнее пистолетов». Прямо по Грибоедову шпарите... Не надо, Максим. Злословие не почтенно.

МАКСИМ. Да я, собственно, хотел предупредить из уважения. А там дело ваше.

ДЕНИСОВ. Душевно тронут... Кстати, а где Ирина?

МАКСИМ. Откуда я знаю? Должно быть, у Богданова торчит. Она от него теперь не вылезает.

ДЕНИСОВ. *(После паузы.)* Ну ладно. Привет передавай-те.

Уходит. Максим пристально смотрит ему вслед.

МАКСИМ. Извините, Игорь Иванович, не порадовал. Но вы сами виноваты. Воспитали талант на свою голову, преемницу на груди пригрели. Да еще симпатией прониклись. О душе пора подумать, а туда же... Вот она вас теперь и отблагодарит – и служебно, и по-женски. А вы на что надеялись? У главного и бумажник толще, и постель мягче... И я, дурак, на что-то рассчитывал... Ну ладно, Ириша. Еще не вечер. Я тебе привет от Денисова передам. Я тебе так передам...

Входит Ирина.

ИРИНА. Привет, Макс.

МАКСИМ. Привет.

ИРИНА. Ты репортаж с конкурса мне сбросил?

МАКСИМ. Пока нет. Пишу.

ИРИНА. А чего тянешь? Давай быстрее. Мне его еще об-

рабатывать.

МАКСИМ. Занят был. Приходил Денисов, общались.

ИРИНА. Игорь Иванович? Так он же только в понедельник выходит.

МАКСИМ. В понедельник и выйдет. За какими-то бумажками забежал.

ИРИНА. *(После паузы.)* Ну как он?

МАКСИМ. Невеселый какой-то, осунулся. Да и с чего веселиться? Жену, считай, с того света вытащили.

ИРИНА. Что говорил?

МАКСИМ. Да так... интересовался, как тут дела. О тебе расспрашивал.

ИРИНА. И что ты ему сказал?

МАКСИМ. Что ты в полном порядке.

ИРИНА. А еще что?

МАКСИМ. Что ты с новыми обязанностями освоилась, рулишь тут в полный рост, всех гоняешь. С благословения Богданова, само собой.

ИРИНА. *(Доставая телефон и набирая номер.)* Полную чушь ты ему наговорил. *(В трубку.)* Игорь Иванович, добрый день! Ну как вы, как супруга?.. А что же вы меня не подождали? Я по вам соскучилась и посоветоваться хотела много о чем... Почему у Богданова? Кто сказал? Максим? *(Смотрит на Коняхина.)* Максим не только в материалах бредит – в жизни тоже. Я только что вернулась с интервью, вот и все... Ну хорошо. Выходите скорее, мы вас ждем. *(От-*

ключает и прячет телефон. Поворачивается к Коняхину, медленно движется на него.)

МАКСИМ. (Отодвигаясь.) Ты чего, маманя?

ИРИНА. Еще раз назовешь маманей, придушу и маникюр не пожалею. Ты чего обо мне наговорил Игорю Ивановичу, лошара? При чем тут Богданов?

МАКСИМ. Да успокойся ты! Просто по ходу упомянул, что ты часто зависишь в кабинете у главного. Он расспрашивал, как мы тут без него, я и упомянул. А что такого?

ИРИНА. Господи, какая же ты после этого... Он никогда не говорил со мной так холодно... как с чужой...

МАКСИМ. А что, уже своя?

ИРИНА. Слушай меня, творческое недоразумение! Ты бы так свои материалы писал, как сплетни сочиняешь. Если еще хоть раз... хоть словом, хоть фразой... свяжешь меня с Богдановым... тогда не обижайся. Я жаловаться никому не стану. Я девушка самостоятельная, рука у меня тяжелая. Понял?

МАКСИМ. Понял. Но и ты уясни. (Пауза.) Есть у тебя с главным что-то или нет – твое дело. А вот что касается и меня, и других... В общем, кончай выеживаться. Назначили тебя исполнять обязанности Денисова, так исполняй без фанатизма. А то с ходу кинулась материалы заворачивать, тексты переписывать, указания указывать... Не надо на нас наезжать. Денисова мы терпим. Все же мужик опытный, авторитетный. А ты кто? Одна из нас, такая же, как мы. Вот и

знай свое место. Или мы с тобой работать не будем. Считай, что я выразил коллективное мнение.

ИРИНА. *(После паузы.)* Интересно... «Работать с тобой не будем» – это как понимать? Придушите втихаря? Потребуете, чтобы я ушла? Или сами всем скопом уволитесь?

МАКСИМ. А хоть бы и так. За что тут держаться? Свои пятнадцать копеек я и в «Городских новостях» заработаю. Зовут, между прочим. Другим тоже место найдется. Город большой, редакций много.

ИРИНА. Ну и валите. Хоть поодиночке, хоть всем скопом. Других наберем, плакать не буду.

МАКСИМ. А что другие? Придут, осмотрятся – и точно так же свалят. Кому понравится, что денег мало, а претензий много? А делать сайт вдвоем с Денисовым... Попробуйте. Вы же у нас суперталантливые и сверхопытные. Как надорветесь, свистнете... В общем, не плюй в колодец, Ирина Анатольевна.

ИРИНА. О как! Ты даже отчество мое знаешь?

МАКСИМ. Я про тебя вообще много чего знаю.

ИРИНА. Откуда такой интерес?

МАКСИМ. Оттуда. Думаешь, только Богданов с Денисовым на тебя заглядываются? Рядом и другие люди есть. Хотя о чем это я? Где главный с заместителем, а где рядовой журналюга... Ты же у нас теперь птица высокого полета. Шансов нет.

ИРИНА. *(После паузы.)* Как ты сказал? Денисов на меня

заглядывается?

МАКСИМ. Аж встрепенулась вся... А то сама не знаешь. Это мужик дальше носа ничего не видит, а женщина все замечает.

ИРИНА. Ну да, наверное. Хотя...

МАКСИМ. И если ты за полтора года не заметила, что я к тебе неровно дышу, то причина только одна: я тебе неинтересен. Ни в каком смысле. Совсем. Стало быть, и говорить не о чем.

ИРИНА. *(После паузы.)* Это что сейчас было? Неформальное объяснение в любви?

МАКСИМ. В точку. Типа того, что как бы. Услышала – забудь. Больше не потревожу. *(Бьет кулаком по столу.)* Благодарю за внимание.

Выходит, хлопнув дверью.

ИРИНА. *(Глядя вслед.)* Вот дурачок...

Редакционная комната. За столом сидит секретарша Вика. Заходит Денисов.

ВИКА. Доброе утро, Игорь Иванович!

ДЕНИСОВ. Приветствую, Вика. Что это вы тут ни свет ни заря? Неужто меня ждете?

ВИКА. А кого еще? Я же знаю, что вы раньше всех при-

ходите. Вот. А мне надо с вами поговорить. Без свидетелей.

ДЕНИСОВ. Вы меня интригуете. О чем же? (*Кладет портфель, садится.*)

ВИКА. Игорь Иванович, Богданов собирается вас уволить.

ДЕНИСОВ. (*После паузы.*) Это было бы крайне не вовремя... А на каком основании?

ВИКА. Для увольнения пенсионера основание всегда одно: «В связи с достижением пенсионного возраста».

ДЕНИСОВ. Ну, это понятно. А по сути?

ВИКА. Не любит он вас, вот и вся суть.

ДЕНИСОВ. Справедливо. Я его, честно говоря, тоже не люблю. А когда?

ВИКА. Не сегодня завтра. Он, в общем, ждал, пока вы из отпуска выйдете.

ДЕНИСОВ. Вот черт... Вы это точно знаете?

ВИКА. Секретарши, Игорь Иванович, много чего знают, да молчат.

ДЕНИСОВ. А почему же вы мне все это рассказываете?

ВИКА. Не хочу, чтобы для вас это было неожиданностью. Вы хоть с духом успеете собраться, с мыслями. Я вчера вдруг представила... Вызывает вас Богданов к себе, и вы к нему, как обычно, заходите. А он вас без объявления войны увольняет... И вы растеряетесь, наверное. Может, слова какие-то не те скажете. А Богданову много чести, если Денисов перед ним растеряется... Не хочу.

ДЕНИСОВ. *(После паузы, медленно.)* От неожиданно-сти, конечно, можно и расклеиться. И лицо потерять.

ВИКА. Нельзя вам, Игорь Иванович, лицо терять. Вокруг и так одни рожи.

ДЕНИСОВ. Славная вы девушка, Вика. Спасибо вам. Само собой, разговор останется между нами.

ВИКА. Да если б я так не думала, разве я вам все это говорила бы?

ДЕНИСОВ. Только насчет рож я с вами не согласен. Люди у нас как люди. Не лучше и не хуже, чем в других заведениях.

ВИКА. Добрый вы, Игорь Иванович. Вы еще скажите: «Не судите и не судимы будете».

ДЕНИСОВ. Непременно скажу. Прекрасная заповедь.

ВИКА. А я буду судить. В конторе круглым счетом двадцать человек работает, а руку подать, кроме вас, некому. Да и вы скоро...

ДЕНИСОВ. Послушайте... Ну если вам здесь так неуютно, не лучше ли уйти?

ВИКА. А куда? В торговую сеть овощи фасовать? Так у меня университетское образование и красный диплом. Лучше уж безработным экономистом числиться... Нашла секретарское место – и на том спасибо. Хотя, если разобраться, что тут хорошего? Люди Богданова боятся и терпеть не могут, а заодно и на меня косятся. Ну как же, правая рука начальника! Только для главного я вообще не человек. Ко-

фе-машина, прислуга за всеми. Чуть что не так – «не разочаровывай меня». Ни уважения, ни статуса, да и зарплата – копейки... Я уж с тоски думала: хоть бы он ко мне приста- вать начал. Так-то мужик видный. Да и тут облом, видно, не в его вкусе.

ДЕНИСОВ. Ну и слава богу. Желаю вам побольше таких обломов... А кого на мое место посадят? Пригласят кого-то? Или из своих выдвинут?

ВИКА. А то вы не знаете.

ДЕНИСОВ. Откуда мне знать? Хотя догадываюсь. Ири- ну?

ВИКА. Ее.

ДЕНИСОВ. Собственно, больше и некого. Не Максима же... Да и ей рановато. Еще хотя бы год поработать, пройти редакторскую стажировку...

ВИКА. Какое там! Спешит Богданов. Подарок на ваших костях приготовил.

ДЕНИСОВ. Почему подарок?

ВИКА. Надо же как-то отметить начало близких отноше- ний. Кольцо с бриллиантом дарить, что ли? Избито и дорого. А портфель заместителя главного редактора в самый раз. У вас отнимет, розовой ленточкой перевяжет и вручит. И ори- гинально, и дарителю ничего не стоит.

ДЕНИСОВ. *(Откинувшись на спинку стула, после пау- зы, негромко.)* Вика... я назвал вас славной девушкой и не хотел бы отказываться от своих слов... Вы зачем сплетнича-

ете?

ВИКА. Да если бы сплетничала... Вас, Игорь Иванович, месяц не было. А за месяц много чего изменилось. У главного завелась фаворитка. В другое время он вас еще потерпел бы, а теперь – нет. Девушке надо расти.

ДЕНИСОВ. Быть этого не может. Ирина – и этот самовлюбленный жлоб...

ВИКА. Насчет самовлюбленного жлоба в точку. А Ирина... Ну что Ирина? Не она первая, не она последняя. Уж так женщина устроена. Если нет мужа, то хоть к любовнику приклониться. А он, при всех своих недостатках, мужик самодостаточный, сильный, перспективный. Вы ее не осуждайте.

ДЕНИСОВ. Я? С какой стати мне ее осуждать? Сама решает, кого любить, не маленькая.

ВИКА. Ну, любви тут никакой нет, голый расчет. А может, и его нет. Просто баба иной раз от безысходности плывет по течению, авось на какой-никакой берег да выбросит... *(Поднимается.)* Пойду я. Плохие вести сегодня, Игорь Иванович, вы уж извините. Но лучше вы все это от меня узнаете, один на один, чем от кого-то другого, да еще при людях.

ДЕНИСОВ. Все-таки вы славная девушка, Вика. Спасибо. Кто предупрежден, тот вооружен.

Вика уходит. Денисов поднимается, делает несколько шагов взад-вперед.

ДЕНИСОВ. А может, все к лучшему? Ну зачем тебе эта девочка? Ничего же не было и быть не могло... Да ведь ничего и не надо. Просто видеть ее каждое утро. Разговаривать. Дышать одним воздухом, любоваться. В ней жизни и красоты – через край. А ты? Ты-то чем богат? У нее впереди линия горизонта, а у тебя – финишная черта. Вот и вся перспектива. И все, на что ты годен, – проконсультировать ненаписанный роман. Завтра и этого не будет, потому что уйдешь, а она останется с этим, с этим... Мерзко, что именно с этим... Ах, какая была иллюзия на излете. Была – и нет ее... К черту. Забыть и жить дальше. Доживать... Химерой больше, химерой меньше – восьмидесятнику не впервой. (*Садится за стол. Берет лист бумаги, что-то пишет.*)

Кабинет Богданова. Он сидит за столом, просматривает какие-то бумаги. Нажимает на кнопку селектора.

БОГДАНОВ. Вика, вызови мне Маркову. И кофе нам принеси. И конфеты не забудь.

Встает, потягивается, прохаживается по кабинету. Входит Ирина. Он подходит к девушке, обнимает.

БОГДАНОВ. Ну, здравствуй.

ИРИНА. (*Отстраняясь.*) Не надо здесь, Лев Петрович. К вам могут зайти.

БОГДАНОВ. А почему так официально? Вроде бы еще вчера вечером были на «ты».

ИРИНА. Вечером, дома – это одно, а днем, на работе – другое.

БОГДАНОВ. Ладно, ладно. Какие мы щепетильные. Садись.

Садятся. Входит Вика, ставит на стол кофе.

ИРИНА. Спасибо, Вика.

ВИКА. Всегда пожалуйста, Ирина Анатольевна. (*Выходит.*)

БОГДАНОВ. Видишь, по имени-отчеству обращается. Уважает.

ИРИНА. Издевается.

БОГДАНОВ. Ты думаешь?

ИРИНА. Я чувствую.

БОГДАНОВ. Хочешь, сегодня же уволю?

ИРИНА. За что?

БОГДАНОВ. Никто не смеет издеваться над моей женщиной.

ИРИНА. Всех не уволите, Лев Петрович.

БОГДАНОВ. Что значит – всех?

ИРИНА. То и значит. Не работает ваша идея. Зря я в этот проект ввязалась.

БОГДАНОВ. Да что случилось? Ты можешь объяснить

по-человечески?

ИРИНА. Могу. В роли Денисова сотрудники меня не приняли. Считают выскочкой, которая прыгнула в постель к главному редактору, чтобы подсидеть опытного, уважаемого человека.

БОГДАНОВ. Что за чушь? С чего ты взяла?

ИРИНА. Не чушь. Вчера мне это высказали вполне определенно. Выдвинули что-то вроде ультиматума: или ты такая, как все, без руководящих претензий, или мы с тобой работать не будем. Вплоть до коллективного увольнения.

БОГДАНОВ. Интересно... И кто же это рискнул выдвинуть такой ультиматум?

ИРИНА. Какая разница? Людям ситуация не нравится, вот и все.

БОГДАНОВ. *(Наклоняясь к Ирине через стол.)* Знаешь, где я твоих людей видел?

ИРИНА. Не надо так, Лев Петрович. Люди-то ваши. Вы главный, не я. И в общем они правы. Руководить журналистами я не готова. Ни по возрасту, ни по опыту. Денисов из меня не получился. Одно дело – худо-бедно заменить на месяц, и другое – насовсем. Нельзя его увольнять. Работа реально забуксует.

БОГДАНОВ. Ну ты и доверчивая. На тебя надавили, а ты и повелась. Сколько раз говорил: жестче надо быть, решительнее. Да если бы я обращал внимание, кто и что обо мне думает или говорит, я бы давно рехнулся. А так – все в

порядке. Руковожу... К тебе в новой должности привыкнут – это только вопрос времени – и работать будут как миленькие. А не будут – пошли вон.

ИРИНА. Сами уйдут. Платят здесь мало, а требуют много чего... В общем, я свое мнение высказала. Я хочу вернуться на прежнее место. А Денисов пусть остается на своем. А я бы у него стажировалась. И через год-полтора заменила бы. Не сразу, не вдруг, а таким, что ли, естественным образом. Если, конечно, вы насчет меня не передумаете.

БОГДАНОВ. Насчет тебя не передумаю. Насчет Денисова – тоже. Ему здесь больше не работать. У нас информационное предприятие, а не приют для престарелых журналистов... Кстати! Зачем ты меня обманула?

ИРИНА. В чем я вас обманула?

БОГДАНОВ. Сегодня утром я был у Вилюйского. Обсудили дела, и я сказал, что хочу уволить Денисова. Так вот, Вилюйский его еле вспомнил. Да, вроде бы работал в избирательном штабе такой, и что? Ни о каких особых отношениях речи нет, увольнение согласовал. А ты говорила, что они чуть ли не друзья.

ИРИНА. (После паузы.) Ну, может, ошиблась.

БОГДАНОВ. Какая там ошибка! Ты просто хотела подстраховать Денисова. Тоже мне, мать Тереза... Я уже, смешно сказать, начинаю думать, что ты к нему неровно дышишь.

ИРИНА. К кому и как я дышу, никого не касается. (Встает.) Я пойду.

БОГДАНОВ. Подожди-ка. Я тебя не отпускал. (*Встает.*) Ты же не дура, чтобы влюбиться в старика. Тут что-то другое. Так объясни, что ты так в него вцепилась?

ИРИНА. Вцепилась. Это верно. А почему – долго объяснять. Да вы и не поймете.

БОГДАНОВ. То есть я уже могу ревновать?

ИРИНА. Ревнуйте на здоровье.

БОГДАНОВ. А чего же тогда ты спишь со мной?

ИРИНА. (*После паузы.*) Потому что не могу быть с ним. (*Отворачивается, идет к выходу.*)

Входит Денисов с папкой в руках.

ДЕНИСОВ. Могу войти?

БОГДАНОВ. Попозже. Я занят.

ИРИНА. Да нет. Мы уже закончили.

ДЕНИСОВ. Я, собственно, на минуту. Ирина не помещает.

БОГДАНОВ. Что там за дело на минуту? (*Садится.*) Ладно, излагайте.

ДЕНИСОВ. Уже изложил. (*Достает из папки и протягивает Богданову лист бумаги. Садится.*)

БОГДАНОВ. (*Прочитав.*) Интересно... Хотите уволиться по собственному желанию?

ДЕНИСОВ. Совершенно верно.

Ирина произвольным жестом прижимает руки к груди.

БОГДАНОВ. А с чего такое резкое телодвижение, если не секрет?

ДЕНИСОВ. Не секрет. Вы, наверно, знаете, что у меня жена тяжело больна. Я должен за ней постоянно ухаживать. Работу придется оставить. По крайней мере, пока.

БОГДАНОВ. Знаю. Сочувствую. Ну что ж, решение благородное... *(Берет ручку, заносит над заявлением.)*

ИРИНА. Подождите!

БОГДАНОВ. Что ты имеешь в виду?

ИРИНА. Игорь Иванович, не уходите! Если надо постоянно ухаживать за женой, что-нибудь придумаем. В конце концов, можно нанять сиделку. Вы очень тут нужны. Вы всем нам нужны.

ДЕНИСОВ. Я тоже так думал. Но, как выясняется, незаменимых нет. Вот вы меня и замените. Собственно, вы уже... *(Богданову.)* Подписывайте, Лев Петрович.

БОГДАНОВ. Не возражаю. *(Подписывает.)*

ИРИНА. Что вы делаете, Игорь Иванович? Вам же еще два года кредит отдавать. Как вы будете платить без работы? Квартирой, что ли, рассчитаетесь?

ДЕНИСОВ. Это мое дело, Ирина.

БОГДАНОВ. *(Ирине – резко.)* Что ты тут детский крик устроила? Разберется Игорь Иванович с кредитом, не маленький. *(Денисову.)* Я вас отпускаю без отработки. *(Нажи-*

мает на кнопку селектора.) Вика, подготовь приказ. Пункт первый: с завтрашнего дня уволить Денисова Игоря Ивановича по собственному желанию. Пункт второй: назначить заместителем главного редактора Маркову Ирину Анатольевну с месячным испытательным сроком. Тоже с завтрашнего числа. *(Отключает селектор. Денисову.)* Спасибо за работу. Сдавайте Ирине дела, а вечером организуем небольшой банкет, отвальную. За счет редакции, само собой. Вика организует.

ДЕНИСОВ. Спасибо. Мне теперь не до банкетов. *(Встает.)*

ИРИНА. Погодите! *(Богданову.)* Как вы можете? Увольняете человека, на котором вся редакция держится! Без него тут все вразнос пойдет. Не хотите думать о нем, подумайте о себе. Не дурак же вы, чтобы рубить сук, на котором сидите.

БОГДАНОВ. Прекрати истерику! Сегодня на нем держится, завтра – на тебе. Точка. *(Денисову.)* Я вас не задерживаю.

ИРИНА. Господи, какая подлость! Ты же ему просто мстишь.

БОГДАНОВ. Я? Да ты рехнулась. За что мне ему мстить?

ИРИНА. За то, что он личность. За то, что он талантливый профессионал. За то, что его уважают. За то, что его можно любить ради него самого, а не за должность. Он твой антипод. Пока он здесь, тебя комплекс неполноценности за-

мордует.

БОГДАНОВ. Заткнись!

ДЕНИСОВ. Легче, юноша. Ваша семейная сцена меня не касается. Но хамить женщине не смейте. В мое время за такое морду били.

БОГДАНОВ. Что? Вы мне угрожаете?

ДЕНИСОВ. Молод, но догадлив.

За сценой раздается шум, голос Вики: «Ты куда? Он занят, у него люди». Голос Максима: «А я не человек?». В кабинет буквально врывается Максим. Следом спешит Вика.

ВИКА. Лев Петрович, я ему говорю, что вы заняты, с людьми общаетесь. А он напролом...

БОГДАНОВ. *(Максиму.)* Ты что себе позволяешь? Выйди и жди, пока я освобожусь.

МАКСИМ. А я буквально на мгновение. Вот. *(Швыряет на стол какую-то бумагу.)*

БОГДАНОВ. Что это?

МАКСИМ. Коллективное заявление журналистов. Возражаем против увольнения Игоря Ивановича.

ДЕНИСОВ. Спасибо, Максим. Ваша поддержка мне, конечно, приятна. Только я ведь увольняюсь «по собственному».

МАКСИМ. Знаем мы это «собственное». А хоть бы и «по собственному». Вы уйдете, и здесь такой бардак начнется...

Она, что ли, справится? (*Указывает на Ирину.*)

БОГДАНОВ. Да от тебя водкой разит!

МАКСИМ. Обижаете. Коньяком. Пятьдесят грамм для храбрости. Не каждый день с начальником объясняешься.

БОГДАНОВ. Выйди вон. Будешь наказан.

МАКСИМ. А заявление?

БОГДАНОВ. (*Сметая бумагу со стола.*) Засунь его себе, знаешь, куда!

МАКСИМ. (*Подходя к Богданову.*) На коллектив, значит, плевать? Обидно. Ну, тогда хоть лично со мной пообщайтесь. (*Бьет Богданова в челюсть. Тот падает спиной на стол, сучит ногами.*)

Возникает сумятица. Денисов, Ирина и Вика хватают Максима за руки и плечи, тот пытается освободиться. Богданов, держась за челюсть, встает и отодвигается так, чтобы между ним и Максимом был стол.

МАКСИМ. Пустите меня! Имею пару слов дополнительно!

ДЕНИСОВ. Хватит, Максим. Вы были великолепны. Но у художника должно быть чувство меры.

ВИКА. За что ты его?

МАКСИМ. (*Бешено.*) Он Ирку испоганил. Она же, дура, с ним от безнадёги легла. Никого нет, жизнь не складывается, а тут начальник велит... (*Богданову.*) Я тебе, сука, Ирку

никогда не прощу!

БОГДАНОВ. *(Кричит.)* Вика, звони в полицию!

ВИКА. Сейчас. *(Отпускает Максима и неторопливо идет к выходу.)*

Ирина отходит в сторону, садится на стул и закрывает лицо руками. Плечи вздрагивают от рыданий.

ДЕНИСОВ. Если дойдет до полиции, Максим, я буду вашим свидетелем. Так, мол, и так... *(Тяжело глядя на Богданова.)* Начальник – самовлюбленный идиот – грубым, оскорбительным поведением спровоцировал подчиненного на конфликт... Вы все правильно сделали, по-мужски. Похорошему, надо бы и мне добавить.

МАКСИМ. Не надо, Игорь Иванович. Много чести этому, если Денисов ему врежет. Коняхин в самый раз.

БОГДАНОВ. Ну попомните! Оба попомните! Ты у меня, Коняхин, в этом городе и дворником не устроишься. И тебе, старик, этого не забуду. Пойдешь соучастником. *(Кричит.)* Вика, где полиция?

МАКСИМ. Все-таки я ему добавлю. Пока полиция не приехала. *(Делает шаг к Богданову. Тот отступает.)*

ДЕНИСОВ. Нет-нет, Максим. На сегодня хватит. Пойдемте к нам, посидим, подождем блюстителей порядка.

МАКСИМ. Коньячку дернем.

ДЕНИСОВ. Нельзя. Свидетель должен быть трезвым.

(Ирине, пристально глядя.) Вы... с нами?

Та молча отрицательно качает головой.

МАКСИМ. С ним, значит, остаешься? (Пауза.) Эх, Ирка... разменяла себя на медные грошики. И что теперь... (Неожиданно поет.)

*Мне осталась одна забава —
Пальцы в рот да веселый свист...*

ДЕНИСОВ. Пойдемте, Максим.

МАКСИМ. (Продолжая петь.)

*Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист...*

Уходят вместе с Денисовым. Богданов садится за стол, вытирает лицо платком. Ирина встает, подходит к столу.

ИРИНА. Больно?

БОГДАНОВ. Ничего. Я им больнее сделаю.

ИРИНА. Зря он тебя ударил...

БОГДАНОВ. Зря он на свет родился.

ИРИНА. Надо было бы меня.

БОГДАНОВ. Вы тут сегодня все с катушек слетели. Тебя-то за что?

ИРИНА. За то, что дура и дрянь. Зачем я с тобой спала? Ну зачем? Не смогла отказать начальнику? Хотела повышения? От безразличия? Сама теперь не пойму. Наваждение какое-то. Добро бы еще нравился...

БОГДАНОВ. (*С издевкой.*) Бедная взрослая девочка. Наваждением ее накрыло, надо же. А что теперь скажет Денисов? Не простит ведь, это точно. Как ты, страдальца, дальше жить будешь?

ИРИНА. Что не простит, знаю. Как жить дальше, не знаю. Ничего не знаю. Ничего не хочу.

Медленно уходит.

БОГДАНОВ. (*Вслед.*) Да провались ты... А я-то, дурак, хотел из тебя человека сделать. Ну и черт с тобой! Я-то свое получил – две недели сексуального карнавала... (*Кричит.*) Вика!

Входит Вика.

БОГДАНОВ. В полицию не звони. Незачем шум поднимать. Я с ними сам...

ВИКА. А я уже позвонила. Только не в полицию, а Вилюйскому.

БОГДАНОВ. Вилюйскому? Зачем?!

ВИКА. Чтобы приехал и разобрался, за что тут главному

редактору его предприятия морду набили.

БОГДАНОВ. *(Падая в кресло.)* Бред какой-то... Ты спятила?

ВИКА. Может, и спятила. Сказал, что сейчас придет. Придет и разберется.

БОГДАНОВ. Но ведь это же скандал... Ты что, не понимаешь? Что вообще творится? Собственная секретарша сдала...

ВИКА. Сами виноваты. Разочаровали вы меня. Зачем к Ирке пристали? Ко мне надо было приставать. *(Уходит.)*

Вечерняя аллея. На скамейке сидит Денисов. Подходит Ирина.

ИРИНА. Я знала, что вы тут.

ДЕНИСОВ. А я, в общем, ждал, что вы придете.

Ирина садится. Молчат.

ИРИНА. Ну что там, в редакции? Я-то сразу ушла... Меня уволили?

ДЕНИСОВ. Да. И вас, и Максима, и Вику.

ИРИНА. Вику? Ее-то за что?

ДЕНИСОВ. А она вместо полиции позвонила Виллойскому.

ИРИНА. Господи, зачем?

ДЕНИСОВ. Ну, как сказать... Кофе-машина взбунтовалась. Надоело быть прислугой за всеми. Вышестоящее хамство обрыдло. Наверно, рассчитывала, что хозяин Богданова накажет. И, в принципе, есть за что. До чего же главный редактор довел людей, если ему бьют морду в собственном кабинете...

ИРИНА. А Вилюйский приехал?

ДЕНИСОВ. Приехал, отчего же. Они с Богдановым часа на полтора закрылись. Думаю, беседа была неприятной. Но в итоге для Богданова все обошлось.

ИРИНА. Еще бы. Вывел сайт на прибыль. Такими не бросаются.

ДЕНИСОВ. Потом Вилюйский собрал сотрудников и произнес короткую речь. Мол, в редакции имела место смута, но железной рукой главного редактора она подавлена. Зачинщики уволены, всем остальным предписано добросовестно трудиться и не разочаровывать руководство.

ИРИНА. А кто недоволен – с вещами на выход?

ДЕНИСОВ. Ну да. Примерно так и сказал, с большевистской прямоотой.

ИРИНА. Но как же они будут работать дальше? Без вас? Да и мы с Максимом не из последних.

ДЕНИСОВ. Какое-то время – думаю, недолгое – сайт будет лихорадить. А потом все утрясется. Наймут новых людей, только и всего. Журналистов больше, чем вакансий.

ИРИНА. А теперь станет еще больше... Воображаю, что

в трудовых книжках у нас с Максимом напишут.

ДЕНИСОВ. Ничего страшного не напишут. После собрания я подошел к Виллюйскому. Он вспомнил, что я у него работал на выборах, ну и выслушал. Я ему сказал: если не хотите оставлять людей, увольняйте, но по собственному желанию. Иначе могут всплыть пикантные подробности, так сказать, на радость конкурентам. А битая морда редактора – неважная реклама для сайта... Такой легкий корректный шантаж.

ИРИНА. И что?

ДЕНИСОВ. Умный человек – с очевидным согласился. При мне дал команду Богданову уволить без скандала. И велел не скрипеть зубами... В общем, завтра заедете в редакцию, напишете заявление по собственному и найдете другую работу. Благо журналист вы уже сейчас неплохой. Максиму будет труднее... Кстати, позвоните ему, чтобы тоже заехал.

ИРИНА. Как я могу звонить ему... после сегодняшнего?

ДЕНИСОВ. *(После паузы.)* Ладно, сам позвоню. А на счет сегодняшнего... *(Пауза.)* Забыть, конечно, ничего не удастся: что было, что сказано... И бог с ним. Но завтра нынешний день станет вчерашним. И что-то можно будет начать с чистого листа. *(Встает.)* Мне пора. До свиданья.

ИРИНА. *(Удерживая за руку.)* Подождите.

ДЕНИСОВ. Что еще?

ИРИНА. Мне кажется, вы хотели сказать «прощайте».

ДЕНИСОВ. *(Снова садясь.)* Да, наверно. Так правильнее.

Только очень уж книжно звучит: «Прощайте...».

ИРИНА. И мы больше не увидимся?

ДЕНИСОВ. А зачем? Нет никакого «мы». И никогда не было. Есть вы и я.

ИРИНА. А вы изменились, Игорь Иванович. Еще недавно, когда вы меня видели, у вас лицо светлело.

ДЕНИСОВ. У меня и душа радовалась. Но это было давно. Целый отпуск тому назад.

ИРИНА. Как вы холодно со мной говорите...

ДЕНИСОВ. Температура голоса соответствует внутреннему состоянию. Уж не взыщите.

ИРИНА. Вам тоже плохо?

ДЕНИСОВ. Почему «тоже»? Мне просто плохо. Но это когда-нибудь пройдет.

ИРИНА. А мне плохо... Мне страшно. Я боюсь вас потерять.

ДЕНИСОВ. Нельзя потерять то, чем вы не обладали.

ИРИНА. А могла бы?

ДЕНИСОВ. Да. Или нет. Не знаю... Что толку гадать? Сослагательное наклонение может свести с ума. Так не мучьте ни себя, ни меня. Есть то, что есть, и ничего больше. А чего не было, того не было.

ИРИНА. Это и странно. Ничего не было, а чувствую, словно я вам изменила. Словно виновата перед вами. И вы меня никогда не простите.

ДЕНИСОВ. Вы ни в чем не виноваты – по крайней мере,

передо мной. Хотя бы потому, что вы мне ничего не обещали. Перед собой – может быть... Но вы же сами говорили, что героиня вашего пока не написанного романа – молодая дура. Через разочарование она и повзрослеет, и поумнеет.

ИРИНА. А что герой? Он ее простит?

ДЕНИСОВ. Он ее не осудит. А жить с надорванной душой ему не привыкать. Каждый пойдет дальше своей дорогой, вот и все. А тоска по любви – поздней и несбывшейся – пусть останется с ним. Другой уже не будет, да и не надо. Дома героя ждет его постаревшая десятиклассница, которой плохо. Он слишком долго жил для себя, и она его прощала. Значит, пришло время отдавать долги.

ИРИНА. Игорь Иванович, ну что мы говорим обиняками... Нет никакого романа! Нет и не было. Ничего я писать не собираюсь.

ДЕНИСОВ. *(После паузы.)* Представьте себе, я догадывался.

ИРИНА. Конечно, я вас обманывала, но... Это была такая игра, понимаете? Я – автор, вы – консультант... Я просто хотела что-то сказать вам о себе и лучше узнать вас.

ДЕНИСОВ. Ничего страшного. Взрослые люди часто придумывают себе игры. И начинают играть, самозабвенно и всерьез.

ИРИНА. А я больше не хочу играть. *(Пауза. Смотрит в глаза Денисову, берет за руку.)* Я вас люблю.

ДЕНИСОВ. *(После паузы.)* Я вас тоже люблю, Ира. *(Бе-*

рет руку, целует.) Не надо бы мне это говорить... Но я люблю вас.

ИРИНА. Почему не надо? Вы чего-то боитесь?

ДЕНИСОВ. За себя – нет. За вас – да.

ИРИНА. Не надо за меня бояться. Я давно взрослая.

ДЕНИСОВ. Если вы взрослая, то понимаете, что мы не можем быть вместе.

ИРИНА. Где это написано?

ДЕНИСОВ. В книге судеб... Мне нечего вам дать.

ИРИНА. А мне от вас ничего и не надо. Квартира есть, а работу я найду.

ДЕНИСОВ. Разве я говорю про шубу или машину? Вы не можете быть моей женой, а все прочие варианты...

ИРИНА. Варианты всегда есть. *(Обнимает Денисова.)* Игорь Иванович, дорогой мой, милый, я все придумала. Я буду вашей любовницей. Если хотите, считайте меня младшей женой. Вы станете приезжать ко мне, когда сможете, а я вас буду ждать в узорных шальварах и с раскуренным кальяном. Как в гареме. Вам со мной будет хорошо, вот увидите. Я и готовить умею. А когда надоест, вы меня бросите. Ну пожалуйста. Разве вы не хотите моей любви?

ДЕНИСОВ. Чтобы отказаться от вашей любви, надо быть идиотом. А чтобы согласиться – негодяем. Лучше я буду идиотом.

ИРИНА. Нет! Лучше негодяем. Только не отказывайтесь.

ДЕНИСОВ. Вы сами не знаете, о чем говорите... Вот вы

думаете, что мы сейчас одни? Но у меня за спиной тени женщин, которым я когда-то дал надежду, а потом сам же и отнял. Они любили меня, а я их оставил. Эти грехи мне не отмолить. И я больше не хочу никого предавать, понимаете?

ИРИНА. *(После паузы.)* Я не могу найти нужных слов, чтобы убедить вас. Они куда-то все пропали. Если вы не хотите быть со мной ради себя, то согласитесь хотя бы ради меня. Или я этого не заслуживаю?

ДЕНИСОВ. Нет таких звезд на небе, которых вы не заслуживаете.

ИРИНА. Постойте... Может быть, вы считаете себя слишком старым?

ДЕНИСОВ. Нет, пожалуй... Я еще могу жить, работать, заботиться о самой близкой женщине. Я еще могу... И это счастье. А ваше счастье в другом.

ИРИНА. В чем же?

ДЕНИСОВ. В том, что у вас впереди целые десятилетия для надежд, ошибок и поиска. А моя дорога определена, и финишная черта уже в шаговой доступности.

ИРИНА. Что ж вы себя отпеваете раньше времени...

ДЕНИСОВ. Даже не думаю. Отпевание – вообще не мой жанр. Просто розовые очки разбиты еще в девяностых.

ИРИНА. *(После паузы.)* Игорь Иванович... а вы правда любили ту светловолосую девушку? Ну, с Дальнего Востока? Которую встретили во Франции?

ДЕНИСОВ. *(После паузы.)* Правда.

ИРИНА. И вы действительно каждый день писали ей стихи?

ДЕНИСОВ. Действительно.

ИРИНА. Прочтите последнее стихотворение. Самое последнее. Ну пожалуйста.

ДЕНИСОВ. (*Читает*):

Светлейшая, ты помнишь город Страсбург, Где целовались мы с тобой так страстно, Где ночь летела быстро, точно птица, Предчувствуя, что ей не повториться. Любимая, ты помнишь древний Страсбург, Где ты была пленительно прекрасна, Где небо звездным вышито узором, Где не спалось лишь нам и светофорам... Куда уходит время, скажет кто мне? Запомню эту осень я, запомню, Как нас ее ладони согревали, А в том, что все ушло, ее вина ли...

ИРИНА. (*Со слезами.*) Господи, ну почему эти стихи не мне? Почему мне никто никогда не писал стихов?

ДЕНИСОВ. Потому что вы пока не встретили человека, которого сделаете поэтом.

ИРИНА. Но я встретила вас.

ДЕНИСОВ. На тридцать лет позже, чем надо.

ИРИНА. Но тридцать лет назад я еще не родилась.

ДЕНИСОВ. В том-то и дело. Я восьмидесятник, Ира. Надежды и стихи остались там, в прошлом веке. Сил для новых иллюзий и стихов больше нет. Простите меня. (*Встает.*)

Пойдемте, я вас отвезу домой.

ИРИНА. (*Поднимаясь.*) Сейчас вы меня отвезете домой и останетесь.

ДЕНИСОВ. Сейчас я вас отвезу домой и попрощаюсь.

ИРИНА. (*Срываясь на крик.*) Но я не хочу!.. Я не хочу с вами прощаться! Я вас люблю! Люблю, люблю! Мне больно, понимаете?

ДЕНИСОВ. А мне? (*Пауза.*) Но лучше так... Не надо, чтобы ваша жизнь измерялась моей. Слишком разные отрезки. А вы... вы еще встретите человека, который ради вас станет поэтом. На меньшее не соглашайтесь. Жаль только, что это буду не я.

Гаснет свет. Когда он снова загорается, на авансцене стоит Ирина.

ИРИНА. (*Глядя в зал.*) Он исчез из моей жизни, словно вышедший на своей станции пассажир. Шагнул на перрон и затерялся в толпе. Жизнь, как поезд, идет дальше, а его нет. И уже никогда не будет. И кто виноват, что у нас оказались разные станции... (*Пауза.*) Наверно, я все-таки напишу этот роман, эту «Балладу о восьмидесятнике». Это будет роман о человеке, чья жизнь разрублена пополам гибелью великой страны. Все рухнуло, все обесценилось – от денег до святынь. На руинах вчерашнего прошлого все пришлось начинать заново. И он сумел это сделать. Он не сдался, понимаете? (*Па-*

уза.) Милый мой, седой, несбывшийся... Мы не могли быть вместе, это правда. Мы все же из разных поколений. Восьмидесятников все меньше, и жизнь все быстрее вытесняет их на обочину. Они беззащитны перед Интернетом, гаджетами, диким пульсом информационных потоков – перед всем, чем живет наше поколение. По восьмидесятникам, как по живому мосту, мы перешли в двадцать первый век. Может, в этом и было их предназначение... А что дальше? Мы-то какие? Как разглядеть лица, уткнувшиеся в смартфоны? Какое зелье кипит в мозгах и душах, пришпоренных прогрессом? Захочет ли кто-нибудь через тридцать лет написать о нас роман? А главное – будет ли о чем и о ком писать? (*Пауза.*) Вопросов много, ответов нет. Но одно я знаю точно. Если у меня когда-нибудь родится сын, он будет Игорем.

Медленно уходит.

Конец

Мария Апраксина

Об авторе

Апраксина Мария Александровна живет и работает в г. Уфе. Автор нескольких пьес. По профессии и образованию актриса. Окончила Уфимский государственный институт искусств. Пьесы публиковались в журнале «Современная драматургия», входили в шорт- и лонг-листы различных драматургических конкурсов; есть театральные постановки и радиоспектакль по пьесе «Одуванчик» на «Радио Культура».

Сундук

(одноактная пьеса)

Действующие лица:

БАБА ЛИЗАВЕТА – 89 лет, скрюченная старуха, но в силе, ловка и подвижна

ЛИЗАНЬКА – лет 15

ВАСЯ (он же КОСТЯ) – молодой парень

Трасса районного масштаба, проходящая между двумя небольшими городками и деревеньками. Вечер. Смеркает. Мелькают вспышки фар, слышны сигналы машин, звуки тормозов. На обочине девушка; по одежде и манерам очень похожа на парня. Она в яркой спортивной куртке, джинсах, вязаной шапочке.

ДЕВУШКА. *(Говорит по телефону.)* Света! Я приехала, Свет, при-е-ха-ла... Встречай. *(Машет рукой.)* Вот я. Вот... видишь? А ты где... на той стороне... поняла. Ага... перехожу... Ты где? Нет, не вижу... А ты?

ГОЛОСА ПРОЕЗЖАЮЩИХ. *(Сигналят, притормаживают.)* Эй, девушка, прокатимся?

ДЕВУШКА. Света! Света... ты видишь меня? Видишь, говорю?

ГОЛОСА: – Эй, сколько стоишь?

– Да ни хрена не стоит.

– Не... мне не надо.

ДЕВУШКА. (*Кричит в телефон.*) Света!.. Света!.. Я не вижу тебя! Я перешла дорогу... Ну не вижу... Света, я не вижу тебя. Ты где?

ГОЛОСА: – Девушка, а девушка, садись.

– Куда тебя подбросить?

ДЕВУШКА. Да отвалите вы!.. Света... Света... ну, перекресток... нет... указателя не вижу... (*В панике.*) Нету... не вижу я тебя нигде... Ты тоже? Света... алло!.. Света!.. Пропала, связь пропала, черт, черт.

ГОЛОСА. Девушка, куда гуляем?

ДЕВУШКА. (*Кричит.*) Отстаньте! Света! Света! Где я... где...

ГОЛОСА. Девушка, садись, устанешь.

Звуки машин, свет фар. Гаснет свет.

Деревенская изба, сурово прибранная; стол, кровать, скамейка. Входит девушка и смело проходит в дом, осматривается.

ДЕВУШКА. Алло, есть тут кто? Э-э-э... Ку-ку... Никого... вымерли... (*Ходит по избе, повсюду заглядывает.*) Ни

финты себе... Да здесь нищоброды живут. Точняк нищоброды. Фу-у-у... (*Берет телефон.*) Ни фига, телефон не ловит. Навигатор не работает. Куда меня занесло? Эй, люди! Есть кто-нибудь?

Входит старуха с лопатой и ведром, останавливается в дверях.

СТАРУХА. Тута я, туточки. Меня, чё ли, звал?

ДЕВУШКА. Вроде...

СТАРУХА. (*Ставит ведро, лопату.*) А я вот картошечки накопила, счас наварим. Ты-то каку жалаешь? Нелуплену аль как? Я-то нелуплену уважаю. (*Резко направляет на нее пистолет.*) А ну-ка руки вверх!

ДЕВУШКА. Вы чего?

СТАРУХА. Чего? Поймала я тебя, вот чего. Подымай, подымай руки-то.

ДЕВУШКА. Чё, война, что ли?

СТАРУХА. Я тебе дам война... Я тебе ручки-то быстро оттяпаю, будешь знать. А, батюшки! А замок-то сломан!

ДЕВУШКА. Он и был сломан, чё наехала-то?

СТАРУХА. Я – то никуда не поехала, а вот ты замок-то мне сломал. Я тебе дам, я тебе покажу... Стой! Куда побег? Счас бабахну.

ДЕВУШКА. Не надо, не надо бабахать. Стою я, стою...

СТАРУХА. (*Прячет пистолет.*) Вот и стой, паскудник

такой, — замок-то совсем новехонький был. А я вот тебя за это ремешком отстегаю. (*Стегает ремешком, приговаривая.*) Вот тебе, вот тебе, замок-то сломал, замок-то новый...

ДЕВУШКА. (*Отбегает.*) Ненормальная какая-то. Говорю же, сломан он был.

СТАРУХА. Не ври. Вот запрю тебя в чуланчик, будешь знать.

ДЕВУШКА. Не надо, не надо меня в чуланчик, я темноты боюсь.

СТАРУХА. Ничё, привыкнешь. Неча было лезть в чужой дом, двери ломать.

ДЕВУШКА. Да тут открыто было. (*Идет к двери.*)

СТАРУХА. Ну и что, что открыто, а чего нос суешь во все дырки?

ДЕВУШКА. Какие дырки? Пустите меня.

СТАРУХА. Не пушшу. Сначала признавайся, чё слямзил?

ДЕВУШКА. (*Смеется.*) Да чё у вас тут лямзить-то?

СТАРУХА. Как чё? Добро!

ДЕВУШКА. Да плевать мне на ваше добро.

СТАРУХА. Гляди-ка, расплевался... Ну-ка покажи сумку-то, покажи.

ДЕВУШКА. Чё вы прикопались-то? Ага, сщас. Сумку ей покажи...

СТАРУХА. Не хочешь? Значит, уж точно слямзил чё-нить. (*Направляя пистолет.*) Показывай, а то ведь я бабах-

ну. Мозги-то вышибу. Ну...

ДЕВУШКА. *(Высыпает содержимое сумки на стол.)* Дайте, глядите, вот мои тетради, книги. Вот карманы, пожалуйста. Ну, убедились? Вот...

СТАРУХА. *(Разглядывая тетради.)* Ну и чем же промышляем тогда?

ДЕВУШКА. Столбим... А-а-а, ладно, вам не понять, вы отстой.

СТАРУХА. Чего постой, я тебе постою... Можя, уж чё припрятал.

ДЕВУШКА. Ага, под сосной зеленой... на полянке луговой... Ну все, я могу откланяться? Да отойдите вы...

СТАРУХА. *(Заслоняет вход.)* Чё-то не верю я тебе.

ДЕВУШКА. А мне как-то по фигу, верите вы или нет. Да отстаньте вы от меня! *(Пытается выйти.)*

СТАРУХА. А вот посиди-ка в чуланчике. *(Подталкивает ее к чуланчику.)*

ДЕВУШКА. Да отвалите вы от меня, баба-яга какая-то.

СТАРУХА. Я тебе дам баба-яга! *(Продолжает толкать.)*

ДЕВУШКА. Стойте, а вы посадите меня на лопату и в печку. Зажарите и слопаете.

СТАРУХА. Договорись у меня. Счас еще ремешка словишь. *(Заталкивает ее в чулан, закрывает.)* Вот посиди, покумекай.

ДЕВУШКА. *(Стучит.)* Откройте, а то я в полицию по-

звоню!

СТАРУХА. Звони, звони. Значитца, промышляешь?

ДЕВУШКА. Ну, промышляю!

СТАРУХА. Да уж дотумкала я. Ладно, я вовремя пришла, а то бы осталась ни с чем, все бы уволок. Я и правда дверь-то не закрываю, а чё тут закрывать, тут и нет никого. Чужих-то. Тут все свои.

ДЕВУШКА. Откройте... откройте, говорю. Сейчас кричать буду.

СТАРУХА. Кричи, хоть раскричись.

ДЕВУШКА. Эй, люди!.. Ой, мама... Старуха дремучая, открой! Ах, так...

Пауза.

СТАРУХА. А, батюшки, дым! Горим, чё ли? Господи, горим!

ДЕВУШКА. Да не горим, не горим. Это я курю.

СТАРУХА. Ах, ты, он еще курить там удумал. Курит он, молоко на губах не обсохло, а он уж курит! Спалишь мне избу-то. *(Тишина.)* Э-э-э... ты живой там аль нет? Эй, как тебя зовут-то? *(Прислушивается.)* Вася, чё ли? *(Открывает, осторожно заглядывает.)* Батюшки, уснул! А папироска-то дымит, вот паразит. Ей... спишь, чё ли? Ей, вставай, вставай, говорю. Ты живой аль прикинулся? А-а-а, батюшки, чё это он, аль без памяти? Нет, вроде дышит, ишь ты, куря-

ка. *(Вытаскивает ее из чулана, тормошит, брызгает водой, снимает шапочку.)* А, батюшки, девка, чё ли? А, мамыньки, гляди-ка, да ты девка! Вот те на... деушка...

ДЕВУШКА. Конечно, деушка, а что, не заметно?

СТАРУХА. Теперь заметно. А я подумала, ты парень.

ДЕВУШКА. Дайте мне, пожалуйста, угарной водицы.

СТАРУХА. Ты и так угорела там от папироски-то. Где у тебе такую воду найду? У нас только родниковая вода-то, нака, выпей. Ты чего это парнем-то нарядилась?

ДЕВУШКА. *(Пьет.)* Я не нарядилась. Я так хожу.

СТАРУХА. А, батюшки, а серьгу-то чё в нос засунула?

ДЕВУШКА. А чё, прикольно.

СТАРУХА. *(Смеется.)* А-ба, чудо-юдо како-то. Ну и зачем припожаловала, деушка?

ДЕВУШКА. К Светке я...

СТАРУХА. К Светке, гляди-ка. Верю... верю, всякому зверю, а тебе, ежу, погожу. Дак чё все-таки смылила?

ДЕВУШКА. Бабуля, чё-то вы меня достали этой темой, то слямзила, то смылила. Вы как-то определитесь уже... Ну скажите, пожалуйста, чё у вас тут можно смылить, а?

СТАРУХА. Как чё? Добро!

ДЕВУШКА. Ни финты себе добро, рухлядь какая-то.

СТАРУХА. А чего тогда полезла?

ДЕВУШКА. Вот спросить надо было сначала, а уж потом наезжать.

СТАРУХА. Ишь ты, какая шустрая. Ну, спрашиваю, за

каким лешим ты полезла?

ДЕВУШКА. Я не за лешим, я хотела узнать, где Светка живет, она тут учительницей работает.

СТАРУХА. Учительницей, гляди-ка, а нет у нас тут никакой учительницы.

ДЕВУШКА. Как нет, чего вы гоните... Она в школе преподает.

СТАРУХА. Да у нас и школы-то отродясь не было.

ДЕВУШКА. Как это не было? Совсем, что ли?

СТАРУХА. Совсем. Да у нас тут всего шесть дворов...

ДЕВУШКА. Ни финты себе, вы неучи, что ли? Надо же, школы нет.

СТАРУХА. Школа есть на Красной горке, километров семь отсюда, туда мы и ходили.

ДЕВУШКА. Ничё себе, я что же, не туда пришла?

СТАРУХА. Пришла-то ты туда, как раз туда. *(Хихикает.)*

ДЕВУШКА. Как это туда, мне к Светке надо. *(Собирает рюкзак.)*

СТАРУХА. А зачем тебе к Светке-то?

ДЕВУШКА. Обещала я ей, что приеду, поржу над ней, как она тут семки лузгает.

СТАРУХА. А говоришь – учительница.

ДЕВУШКА. Ну да. Теперь-то она реально – Светлана Алексеевна. Ну и где она, эта Красная горка? *(Направляется к двери.)*

СТАРУХА. Красная горка-то? Она – на Красной горке...

ДЕВУШКА. Чё-то я не въезжаю, вы чё, прикалываетесь, что ли?

СТАРУХА. Ты вот что, мил моя, раз уж пришла, будем чай пить. Давай-ка раздевайся и самовар готовь...

ДЕВУШКА. Да идите вы с вашим самоваром, мне срочно к Светке надо. Ср-о-очно!

СТАРУХА. Ты же ко мне пришла. Я, мил моя, тебя ждала.

ДЕВУШКА. Меня? Прикол... И чё, вы меня знаете?

СТАРУХА. Я тебя не знаю. Я только знала, что придешь.

ДЕВУШКА. Что вы мне мозги пудрите, как идти на эту Красную горку?

СТАРУХА. А все прямо, прямо, а потом упрешься.

ДЕВУШКА. Больная какая-то.

СТАРУХА. (*Ласково.*) Ты вот что, мил моя, оставайся. Гляди-ка, уж ночь на дворе-то, и дороги не знаешь, заблудишься одна-то, оставайся. Заночуешь, а утречком-то я тебя провожу, покажу дорогу-то.

ДЕВУШКА. Нет уж, я лучше в гостиницу...

СТАРУХА. (*Смеется.*) Ну-ну... У нас гостиниц-то и на Красной горке нету, не то что здесь.

ДЕВУШКА. И куда же я попала, в край непуганых ворон, что ли?

СТАРУХА. Вот-вот... туда и попала.

ДЕВУШКА. Ни фиги. (*Крутит телефон.*) Ё-моё, не ловит. Скажите, как мне позвонить-то?

СТАРУХА. Да у меня звонка-то сроду не было.

ДЕВУШКА. Какой-то прошлый век, точно. Мне же позвонить надо.

СТАРУХА. Ты клади свою игрушку-то, сейчас чайку попьем и казать тебе буду.

ДЕВУШКА. Что казать?

СТАРУХА. Мое добро!

ДЕВУШКА. Вот оно мне надо, ваше добро глядеть. Короче, я в гостиницу...

СТАРУХА. (*Смеется.*) Ну ступай, ступай в гостиницу...

Девушка уходит.

СТАРУХА. (*Глядя в окно.*) Ну куда понеслась-то, глупая? Дождь посыпал, сейчас ведь промокнет до нитки. Вернется, куда денется. Закружится да назад придет. Ишь ты, гордая. Ничё, ничё. Вот и я такая же была. Пока его не встретила, а как встретила, гордыня-то моя куда-то спряталась. Ничё слаще-то его и не было. Оглянуться не успела, а уж все прошло, все растаяло. Это они думают, что у них жизнь-то без конца и края. А край-то, он есть. Вот он, и мой край. Взгляну на нее как на себя молодую, а там уж... (*Всхлипывает, отходит от окна.*) Постельку тебе покуда постелю. Вот тут и ляжешь. Сама-то я там лягу, за занавесочкой. Вот так задерну занавесочку-то, и спи себе, отдыхай. Скажу: спи, моя девонька, спи. Я ведь тоже Лизанькой была, это я сейчас ба-

ба Лизавета. (*Идет к окну.*) Ну вот, идет назад моя девонька. Покружилась, покружилась и назад. Сегодня радость у меня, Лизанька. Хоть одну ночку да не одна я, все живой человек рядом.

Входит девушка.

СТАРУХА. Что же, гостиница-то закрыта?

ДЕВУШКА. Какая на фиг гостиница. Издеваетесь?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Говорила я тебе: не ходи, ночь на дворе. Неслух какая.

ДЕВУШКА. Шла я, шла, а пришла опять к вам. Ничего не понимаю, я вроде не поворачивала, точно шла к перекрестку, где меня автобус высадил. Ведь тут недалеко было. Я помню, был перекресток. Автобус остановился, и я пришла... Где же тот перекресток? Тут и дороги-то нет. Говорила мне Светка, что не туда надо сворачивать, а я вот знаю, что не туда, но ведь обязательно сделаю все наоборот, сверну черт-те куда.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Устала ты, видать, вот и не разглядела. Да уж темно и дождь. Вон вымокла вся. Ну-ка раздевайся, грейся.

ДЕВУШКА. (*Настойчиво.*) Так где же дорога-то?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Там...

ДЕВУШКА. Там – это где?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Там. Я туда на раздорожицу хожу.

ДЕВУШКА. А это чего такое?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Раздорожица-то? Раздорожица – она и есть раздорожица. Ну я и хожу туда помолиться, почитать.

ДЕВУШКА. Чего почитать?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Чё надо, то и читаю.

ДЕВУШКА. А я все в Интернете читаю.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Батюшки, да ты насквозь мокрая, давай скидывай одежду-то. Сейчас я тебя в сухое наряжу. Сымай свое-то скорее. На-ка вот, платье приготовила, будто знала, что ты придешь, – вот, надевай. Гляди-ка, трясешься вся.

ДЕВУШКА. *(Раздевается, надевает платье.)* Холодрыга, замерзла я.

БАБА ЛИЗАВЕТА. А вот мы счас чаю горячего выпьем – и согреешься. *(Готовит чай.)* Ну а теперь рассказывай.

ДЕВУШКА. Ну и чё рассказывать?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Чё глазами-то хлопаешь? Про себя рассказывай.

ДЕВУШКА. А должна?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Должна. Откуда сама будешь, куда идешь?

ДЕВУШКА. Бабуль, вы чё меня прессуете-то? Говорила же, к Светке я приехала. Не понятно? Короче, раз уж я здесь тормознулась до утра, гоните чай – и баиньки.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Садись, вот тебе с малиной чай-то. На-ка, мил моя, пей.

Пьют чай, пауза.

ДЕВУШКА. (*Доверчиво.*) А чего не спросите, как меня зовут?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Я знаю.

ДЕВУШКА. Вы чё, меня знаете?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Лиза тебя зовут, Лизанька.

ЛИЗАНЬКА. Ага... Лизанька. Лизка. Мамка меня Лизкой звала. Имя какое-то дурацкое – Ли-и-изка. Назвала бы Викой, что ли, или Анжелой, а то Лизка.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Хорошее имя, чего ты. А где мать-то?

ЛИЗАНЬКА. Я что, отчитываться должна? Отвал Иваныч.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Ладно, не хочешь, видать, пытаться не буду. Ты коль приляг, залезай под одеяло-то, а я казать тебе буду добро-то.

ЛИЗАНЬКА. А у вас где розетка? Ну... элек-три-ческа-я.

БАБА ЛИЗАВЕТА. А зачем мне она?

ЛИЗАНЬКА. Телевизор смотреть, сериалы. У нас все бабульки сериалы смотрят.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Что за сериалы?

ЛИЗАНЬКА. Да... понятно – край непуганых ворон! Мне бы зарядку подключить. Музон послушать.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Ничё не поняла.

ЛИЗАНЬКА. Ясно. Никакой цивилизации. Поди, и туалеты на улице.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Я тебе ведро поставила. Вон там.

ЛИЗАНЬКА. Вот попала я.

БАБА ЛИЗАВЕТА. На улицу-то не ходи. Дождь вон как сеет. Вот давай-ка я в шаль тебя укутаю, вот так, в пуховую. В твоём положении надо беречься, а то застудишь дитя-то.

ЛИЗАНЬКА. Какого дитя?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Дочка, видать, у тебя будет.

ЛИЗАНЬКА. Скажете тоже.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Чернявенькая такая, вся в паренька твоего, не русский парень-то.

ЛИЗАНЬКА. Вы что, ясновидящая?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Я-то? Ну не так, чтобы очень. Я по-маленьку только вижу-то насквозь. Вот тебя насквозь вижу.

ЛИЗАНЬКА. Гоните.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Да не гоню я тебя, не гоню. Господь с тобой, живи сколько хошь.

ЛИЗАНЬКА. Да не хочу я тут жить.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Не поймешь тебя: то хочу, то не хочу. Гоните.

ЛИЗАНЬКА. Нет, а правда, что вы у меня видите?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Вижу, девонька, ты совсем еще ребенок сама-то, а уж с грехом.

ЛИЗАНЬКА. С каким грехом?

БАБА ЛИЗАВЕТА. С таким. Уж шуры-муры с парниш-

ками водишь. Смелая озорница.

ЛИЗАНЬКА. Да я-то при чем? Они сами за мной бегают. Я же только целуюсь с ними.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Не только.

ЛИЗАНЬКА. Ну, не только, вам-то что?

БАБА ЛИЗАВЕТА. А ничто. А к Светке-то зачем собралась?

ЛИЗАНЬКА. И чё вы мне тут допросняк устроили: куда да зачем?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Я просто так спросила.

ЛИЗАНЬКА. А я просто так отвечаю: Светка – сеструха моя старшая, она педагогический окончила. Она у нас такая вся продвинутая, вот и в деревню ее потянуло, типа деревенской экзотики хлебнуть, а потом уж дальше двигать.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Куда дальше-то?

ЛИЗАНЬКА. В Москву, в универ. Это я в семье самая тупая, а Светка – класс... А я и не претендую. Какой с меня спрос – тупая так тупая. Мама с батей меня не любят.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Ты зря-то не болтай. «Не любят»... Всяк родитель любит свое чадо.

ЛИЗАНЬКА. Да не-е-е, они только над Светкой трясутся. А я – что есть, что нету.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Шляешься, значит?

ЛИЗАНЬКА. Ага. Шляюсь, а чё? А им-то по фигу. Они же еще одного родили, теперь над ним трясутся.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Всяка мать переживает за свое дитя.

ЛИЗАНЬКА. Чё-то моя не переживает. Да ладно.

БАБА ЛИЗАВЕТА. А ты сама-то что, их не любишь?

ЛИЗАНЬКА. А, достали они меня. Я ведь у них лишняя, они сначала на Светку молились, какая она вся умница-разумница, теперь на этого, на мелкого, молятся, наверное, тоже гений вырастет какой-нибудь. А я-то тупизм полный, что с меня взять, я и домой-то иногда не прихожу, а им по барабану, они меня и не ищут, и не звонят. Так что и сейчас они не сразу бросятся меня искать. Кайфушка, короче... Достало меня все это. В школе тоже классуха заколебала со своим Обломовым, говорит: «Читать надо произведение в оригинале, полностью». Я попыталась эту муть читать, скукотень полная, а в Интернете прочитала сюжет, полстраницы, короче, списала все, а она двояк вкатила да еще засекла, что я курю, застерила – говорит: пусть родители придут. Ага, щас, разбежались мои родаки. Бесит меня все, и чё я должна читать эту нудятину фиг знает какого века? Короче, сбежала я.

БАБА ЛИЗАВЕТА. К Светке.

ЛИЗАНЬКА. Ну, к Светке, и чё?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Испугалась, чё ли? А ему-то сказала?

ЛИЗАНЬКА. Сказала, и чё? Да пошел он, придурок недоделанный.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Вот и ладно, будешь здесь жить, родишь, никто и не узнает, а там уж поглядим, что да как.

ЛИЗАНЬКА. *(Вскакивает.)* Родить? Ни фига... Не бу-

ду я рожать. Да я вообще детей терпеть не могу. Я во дворе всегда их лупила и мелкого Никитоса лупила, а он орал как недорезанный, а они его жалели. Короче, сначала Светку любили, а потом – его, а меня – нет. Меня не любили! Светка такая умная, а я-то разгильдяйка и учиться не хотела. Вот так они меня и проглядели.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Ох, девка, глупая ты еще. Вот что я тебе скажу: никуда ты не пойдешь, никуда я тебя не пущу. Будешь здесь рожать.

ЛИЗАНЬКА. Что вы тупите-то? Здесь они меня найдут.

БАБА ЛИЗАВЕТА. А говоришь: искать не будут.

ЛИЗАНЬКА. Ну, может... сначала не будут, ну, может, дня два, а потом-то все равно будут.

БАБА ЛИЗАВЕТА. А у Светки, значит, не найдут?

ЛИЗАНЬКА. У Светки – нет, у нее даже искать не будут. Конечно, они ей позвонят, спросят, а Светка умная, она придумает что-нибудь, типа: что я у нее, не волнуйтесь типа. Они ее послушают. Они перед ней прямо прогибаются.

БАБА ЛИЗАВЕТА. А вот мне детей Бог не дал. Грешница я, видать. Вытравила одного, и все. Так и осталась одна-одинешенька. Может, и твоего вытравим, а?

ЛИЗАНЬКА. Как это – вытравить?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Как? Это уж не твоего ума дело. Хочешь – сделаю.

ЛИЗАНЬКА. Не надо меня травить, не надо!

БАБА ЛИЗАВЕТА. Ну вот, значит, не хочешь.

ЛИЗАНЬКА. Не хочу! Ничего не хочу!

БАБА ЛИЗАВЕТА. Ну ладно, не хочешь – не надо. Чего взбеленилась-то?

ЛИЗАНЬКА. Без вас разберусь, я уже все порешала, а теперь спать... баиньки.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Вот и хорошо, вот и правильно, только баиньки будут потом. Айда-ка, девонька, чё я тебе покажу. Чё покажу! Ох, увидишь – умрешь. Ахнешь! (*Отдергивает занавеску, показывая на сундук гордо.*) Вот!

ЛИЗАНЬКА. А чего это?

БАБА ЛИЗАВЕТА. Добро! (*Открывает сундук.*) Вот добро-то мое.

ЛИЗАНЬКА. Это тряпки какие-то.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Это не тряпки, мил моя. Вот сколько добра я скопила. Счас глядеть будем.

ЛИЗАНЬКА. Чего глядеть-то, мне к Светке надо успеть.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Чего колготишься-то, ночь на дворе и дождь, переночуешь да с утречка-то и пойдешь. Вот постельку я тебе постелила, а покуда добро покажу. Все-то добро еще никому не казала. Вот, гляди, гляди – полон сундук.

ЛИЗАНЬКА. Классный сундук. Раритет настоящий. Ни фига себе. Не сдвинешь.

БАБА ЛИЗАВЕТА. Ты чего? Не трогай, надорвешься, не дай бог, он же кованый. Вон, ни одного гвоздика нет. Еще от моего деда остался.

ЛИЗАНЬКА. Древний...

БАБА ЛИЗАВЕТА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.